

INSPIRIA

ОН НЕ ТОТ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАЕТ.
НО И У НЕЕ ЕСТЬ СЕКРЕТ – И ЭТО ГОРАЗДО СТРАШНЕЕ.

18+

ТОЛЬКО ТЫ И Я

ЛОР
ВАН РЕНСБУРГ



INSPIRIA

Лор Ван Ренсбург

Только ты и я

Серия «Ток. Слишком близко. Семейные триллеры»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67893350
Только ты и я / Лор Ван Ренсбург ; [перевод с английского В.
Гришечкина]: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-172042-1*

Аннотация

Стивен – уважаемый профессор. Элли – подающая надежды студентка, получает ученую степень в университете.

Элли и Стивен уезжают из Нью-Йорка, где на них всегда обращены сотни глаз, в романтический отпуск в уединенный дом на природе. Их ждут долгие горячие ночи и возможность лучше узнать друг друга. Ну... таков был план.

Но ночью начинается сильный снегопад, а с ним приходит понимание – и Элли, и Стивен скрывают друг от друга кое-что важное. Настолько, что один из них не переживет эту ночь.

Содержание

День первый	11
1	11
2	23
3	31
4	41
5	43
6	53
7	56
8	66
9	76
10	77
11	83
12	85
13	97
14	103
15	111
16	113
17	122
18	124
19	132
День второй	138
20	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Лор Ван Ренсбург

Только ты и я

Маме, которая мечтала увидеть мои книги опубликованными. Прости, что на это ушло так много времени.

*Я страстно желаю вещей, которые
меня в конце концов погубят.
Сильвия Плат, «Полный дневник»*



Laure Van Rensburg
NOBODY BUT US

Copyright © 2022 by Laure Van Rensburg. All rights reserved.

Перевод с английского *Владимира Гришечкина*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© il21, Nina Buday, Pixel-Shot, AVOCADO FAM,
55th / Shutterstock.com Используется по лицензии от
Shutterstock.com



© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Эти стены знают, что произошло. Они расскажут.
Каждая вещь в доме станет уликой. Говорят, правда делает человека свободным.*

Как бы не так.

Все начинается со вспыхивающего синего света, который беззвучно пульсирует за стеклами окон. Потом внешний мир вторгается в дом топотом и стуком. Холод врывается в распахнутую дверь и устремляется вверх по лестнице второго этажа. Дом вздрагивает и просыпается.

Голоса заполняют пространство комнат, прогоняя тишину. В нарастающем шуме все отчетливее звучат слова: «жертва», «не реагирует», «Господи Иисусе». Их произносит полицейский с усами как у Берта Рейнольдса¹. На его груди блестит значок помощника шерифа с именем черными буквами – Д. Х. Уилкоккс. Буква «о» процарапана и похожа на второе «с». Уилкскс. Уилл-кыс-кыс. В его глазах стоит вопрос – он очень хочет поскорей разобраться, что здесь произошло. От него пахнет кофе, да и на усах поблескивает кофейная пенка, между потрескавшимися губами видны желтоватые зубы, которым не помешало бы отбеливание. Взявшись рукой за подбородок, Уилкоккс разглядывает открывшуюся ему картину, которую, несомненно, редко встретишь в этих спокойных краях. Автомобильная авария, несчастный случай на лесопилке – вот, наверное, и все, с чем ему до сих пор приходилось сталкиваться. Но такое... Подобное могут делать друг с другом дикие звери, да и то где-нибудь в мрачной чащобе, а не в комнатах современного особняка. То, что здесь произошло, испятнало ковер и сте-

¹ Рейнольдс, Берт – американский актер, исполнитель главной роли в комедии «Полицейский и бандит». (Здесь и далее – прим. переводчика.)

ны кровью, насытило воздух тошнотворными запахами. На мгновение Уилкокс даже закрывает глаза, но увиденное не отпускает его, вставая с обратной стороны опущенных век словно на экране, следуя за ним, даже когда он спускается на первый этаж. Но и там обстановка напоминает декорации из «Ужасов по дешевке»².

На третьей снизу ступеньке валяется брелок в виде сердца. Серебряная цепочка порвана. Это подарок девушке, которой больше нет. Один из коллег Уилкокса поднимает брелок и опускает в прозрачный пластиковый пакетик, где он превращается в улику, в еще один ключ к мрачным событиям, которые развернулись здесь несколько часов назад. Запечатанный пакет отправляется к другим, побольше, которые до упора набиты обрывками одежды. Еще в одном пакете лежат осколки белой фаянсовой кружки.

На первом этаже работают сразу несколько полицейских. Здесь еще больше вопросительных взглядов, взволнованных восклицаний, больше хаоса и суеты. Сверкает фотовспышка, шипят полицейские рации, щелкают натягиваемые перчатки. Воняет здесь еще сильнее, и шериф Уилкокс старается дышать через рот. Густой запах смерти и физиологических жидкостей неподвижно висит в воздухе. Стены и дверные косяки покрыты брызгами крови, кровь размазана и по разделочному столику в кухне; ее капли и поте-

² «Ужасы по дешевке», или «Бульварные ужасы» – американско-британский телесериал в жанре хоррор-триллера.

ки на дереве и штукатурке похожи на шифр, который ему предстоит разгадать. В гостиной, словно раненое животное, валяется на боку инвалидное кресло на колесах, а в камине дотлевают остатки женской сумочки.

Каждая деталь, каждая вещь здесь рассказывают свою историю.

Повернувшись к разгрому спиной, шериф Уилкокс медленно бредет к распахнутой, как рот, входной двери.

Холодный воздух снаружи обжигает кожу. Солнце окрашивает горизонт в оранжевый и бледно-желтый цвета — наступает новый день. Облака разошлись еще ночью, ясное голубое небо кажется бездонным, и в нем кувыркаются серебристые чайки, которые сердито покрикивают на незваных гостей, осквернивших своим присутствием безмятежную тишину побережья.

На снегу перед крыльцом чернеет кровавый след. Один из полицейских проходит по нему до конца и рукой в перчатке извлекает из снежной могилы длинный кухонный нож. Чуть дальше зияют распахнутые ворота гаража. Полицейский заходит внутрь и, присев на корточки, разглядывает глубокие порезы на спущенных передних колесах.

Среди стоящих вкривь и вкось полицейских машин выделяется фургон «Скорой помощи». Позади его высокого кузова с работающей мигалкой наверху виден лес, но это уже не та мрачная чащоба, что была здесь раньше. Освободившись от объятий тьмы, деревья утратили свой злоеющий

вид, да и все остальное с наступлением дня стало другим. Дует свежий ветер. Снежный покров сверкает под лучами солнца, но замерзшая земля под снегом все еще мертва.

Два санитары выпрыгивают из задних дверей «Скорой». В кузове сильно пахнет нашатырем. Меня укладывают на носилки. Тонкий матрас поскрипывает при каждом движении.

– Куда повезете? – спрашивает Уилкокс.

– В Центральную, на авеню Милосердия, – отвечает один из санитаров. У него длинные светлые волосы, стянутые резинкой в конский хвост. Выглядит он совсем юным. Даже странно, как такому молодому парню можно доверять чужие жизни.

Дверцы захлопываются, «Скорая» отъезжает, и только одно слово остается висеть в воздухе, словно едкий дымок от зажженной спички. Единственное слово, которое кажется здесь абсолютно неуместным.

Это слово – «милосердие».

День первый

*Не нужно комнат привиденью,
Не нужно дома;
В твоей душе все коридоры
Ему знакомы.*

Эмили Дикинсон, «Не нужно комнат привиденью»³

1

Элли

Проклятье, как скользко-то!.. Только грохнуться не хватало!..

Стараясь дышать как можно ровнее, я делаю несколько шагов. Под ногами – сплошной лед, и каждый новый шаг подвергает серьезному испытанию мою способность передвигаться в вертикальном положении. В руке у меня большая дорожная сумка для уик-энда, на плече – сумка поменьше, но такая же тяжелая, и я с трудом удерживаю равновесие. Я старалась брать с собой только самое необходимое, и все

³ Перевод Я. Бергера.

же вещей получилось много. Все-таки мы едем на три дня. Впрочем, сначала нужно выбраться из города.

До машины остается всего ярд или меньше. Казалось бы, достаточно одного шага, и тут моя нога все-таки едет в сторону. К счастью, Стивен успевает подхватить меня под локоть и не дает растянуться на льду. Я благодарно улыбаюсь. Пару дней назад я все-таки грохнулась, и у меня до сих пор болит бедро. Благо Стивен этого не видел. Я спешила домой, выскочила из метро, но, поскользнувшись на последней ступеньке, во весь рост растянулась на грязном снегу. Моя сумочка открылась, ее содержимое раскатилось во все стороны, и я довольно долго собирала свое имущество, ползая на четвереньках под ногами прохожих, которые держались на ногах лучше, чем я.

– Держись! Ведь ты не хочешь, чтобы наше путешествие закончилось еще не начавшись, – смеется Стивен, одаряя меня одной из своих очаровательных улыбок.

Продолжая опираться на его руку, я с опаской выпрямляюсь. Убедившись, что я крепко стою на ногах, Стивен берет у меня дорожную сумку и кладет в багажник «Лексуса». Несмотря на то что на нем обычные офисные туфли, он ухитрился ни разу не поскользнуться.

– Извини, – невпопад говорю я, чувствуя, как наливаются краской щеки, и поспешно прячусь в салон. Хватит с меня унижений.

На сиденье я падаю словно шерстяной куль. Погода сто-

ит холодная, и на мне много чего наверхено: свитер, куртка, перчатки, длинный вязаный шарф темно-синего цвета и легкомысленная шапочка без полей. Стивен тем временем делает легкое движение плечами, и теплая куртка каким-то чудом оказывается у него в руках. Аккуратно сложив ее в длину, Стивен укладывает куртку на заднее сиденье, а я все еще ерзаю на пассажирском сиденье, пытаюсь освободиться от лишних одежек.

Я окончательно запутываюсь в рукавах куртки, когда воздух перед моим лицом начинает слегка вибрировать. Следом раздается низкое гудение телефона, укрепленного на приборной панели и включенного на вибрацию. Прежде чем я успеваю бросить взгляд на экран, телефон оказывается у него в руках. Стивен улыбается, читая сообщение, и тут же хмурится.

– Что-нибудь случилось? – спрашиваю я, но он не отвечает. Все его внимание поглощено телефоном. – Все в порядке? – повторяю я громче.

– Да, конечно. Извини. Это по работе.

Но выражение его лица мне не нравится.

– Тебе придется вернуться?

Одно его слово – и все погибло. Так уже бывало раньше. Всего пару недель назад он получил эсэмэску за каких-нибудь два часа до нашего свидания, и долгожданный ужин в «Ящерице» накрылся медным тазом. Сама мысль о том, что наша юбилейная поездка тоже может сорваться подобным

образом, просачивается мне в мозг, и я вздрагиваю. Сражаясь с приступом бессильной паники, я одновременно пытаюсь застегнуть ремень безопасности, который тоже не поддается. Чем сильнее я дергаю, тем крепче он застревает в креплениях. Твою мать!.. Только этого мне не хватало. Да еще Стивен, как назло, не делает ни малейшей попытки мне помочь. Хуже того, по его лицу я никак не могу угадать, какое решение он примет.

– Что бы ни понадобилось моим коллегам, на этот раз им придется обойтись без меня, – говорит он наконец. – На ближайшие три дня я твой. Со всеми потрохами, – добавляет Стивен, поймав мой взгляд, и я... я ему верю.

С облегчением откинувшись на спинку сиденья, я легко вытягиваю ремень на нужную длину и застегиваю пряжку. Теперь я полностью готова к нашему первому загородному уик-энду вдвоем.

Решив для себя все служебные вопросы, Стивен вставляет телефон обратно в держатель рядом с рукояткой ручного тормоза. Экран гаснет, подмигнув мне напоследок, и я вдруг вспоминаю, что так и не перезвонила Коннору. Пока я собирала вещи, его имя появилось на экране моего телефона, и я молча пообещала себе перезвонить ему, как только закончу, но бесконечные перемещения между спальней и ванной отвлекли меня, и я обо всем забыла.

А теперь уже слишком поздно.

«Лексус» бесшумно отъезжает от тротуара – только шины

хрустят по песку, которым посыпана обледенелая мостовая. Пока мы пытались втиснуться в поток ползущих по улице машин, глаза Стивена метнулись к зеркальцу заднего вида, но на дорогу впереди вернулись не сразу. Казалось, он на мгновение задержал взгляд на чем-то, от чего очень хотел, но никак не мог отделаться. Неглубокая морщинка между его бровями сделалась чуть заметнее, и я неуклюже завози-лась на сиденье, чтобы обернуться назад, но тут мы поверну-ли за угол, и единственное, что мне удалось разглядеть, это ярко-алую куртку и копну светлых волос.

– Ну, с почином, – говорит Стивен, прежде чем я успеваю задать вопрос, который вертится у меня в голове. – В этом, 2018 году это наш с тобой первый выезд...

– Первый выезд за город, – уточняю я.

Он кивает.

– Отличный способ отпраздновать наши с тобой полгода.

Первые полгода.

Я киваю.

Машины движутся по шоссе бампер к бамперу, но мы все же покидаем Манхэттен. Затянутое облаками небо окраши-вается оранжевым – верный признак того, что скоро снова пойдет снег. Снегопады шли уже несколько дней, потом тем-пература резко упала. Тротуары и улицы обледенели, и ко-личество сломанных конечностей и легких сотрясений в го-роде возросло в разы. Увы, погода не собиралась радовать нас и в будущем – прогноз обещал снегопады и в ближайшие

три-четыре дня, и не только в Нью-Йорке, но и на побережье Чесапикского залива, куда мы и направлялись.

После Ньюарка дорога становится посвободнее. Стивен знает, куда ехать, но включенный навигатор продолжает снабжать его полезными советами относительно того, по какой полосе и с какой скоростью лучше ехать. Абсолютно бесполезные советы, потому что перестроиться мы не можем и вынуждены ехать со средней скоростью потока. Откинувшись на спинку пассажирского кресла, я пытаюсь представить, что мы будем делать, когда доберемся до места. Я очень надеюсь, что выходные пройдут как я задумала.

Нам остается примерно час пути, когда топливомер показывает, что бензин в баке заканчивается, и Стивен сворачивает на скользкую боковую дорогу, ведущую к заправке.

– Возьми мне «Поцелуйчиков Херши», ладно? – говорю я, оставляя его под навесом с заправочным пистолетом в руках. Сама я тем временем беру у дежурной по заправке – совсем юной девицы с кобальтово-синими волосами и выражением скуки на лице – ключ от туалета. Грязный истоптанный снег на дорожке снаружи превратился в скользкую слякоть, и мне приходится держаться рукой за стену, пока я бреду к двери туалета у задней стены заправки. Злой январский морозец кусает меня за открытые части лица, и я прячу нос в обмотанный вокруг шеи шарф, чтобы дышать сквозь мягкий, теплый кашемир. Этот шарф подарил мне Стивен. О том, сколько он стоит, мне не хочется даже думать. Навер-

ное, очень дорого, но Стивен не пожалел денег: он знает, что я не выношу холода. Я просто не создана для него. И все же по мне лучше мороз, чем сырость. Холод только пробирается под одежду, а сырость проникает сквозь кожу и остается там еще долго после того, как войдешь в теплое помещение. Я вздрагиваю.

Воздух внутри тесной комнатки без окон пропитан резким запахом мочи и дешевых антисептиков. Стараясь дышать ртом, я нависаю над унитазом, спеша как можно скорее закончить свои дела. На стены, сплошь покрытые короткими энергичными высказываниями и сомнительного свойства «наскальной живописью», я не обращаю внимания.

Всего сто миль отделяют нас от места назначения. А потом... Только он и я. Целых три дня! Семьдесят два часа, четыре тысячи триста двадцать минут, в течение которых мы будем только вдвоем. Рядом ни души, и некуда спрятаться друг от друга. Надеюсь, я ничего не испорчу. Не зря же говорится, что человека можно узнать по-настоящему только тогда, когда пробудешь с ним пару дней наедине. Интересно, где это я прочла столь потрясающе мудрую мысль? Но еще интереснее другое – то, что еще я узнаю о Стивене за эти короткие выходные.

Машинально пожав плечами, натягиваю легинсы. Неплохо было бы сполоснуть руки, но взглянув на раковину, в которой, словно в чашке Петри, вот-вот зародится новая жизнь, я решаю пренебречь мытьем.

Выйдя на улицу, я делаю глубокий вдох, и напрасно. Морозный воздух насыщен бензиновыми парами, от которых першит в горле. Мелко перебирая ногами в коричневой слякоти, я возвращаюсь к офису-магазинчику и успеваю увидеть, как дежурная густо краснеет от какого-то комплимента Стивена. Поигрывая дюжиной тонких браслетов, болтающихся у нее на запястье, синеволосая заправщица улыбается и что-то говорит в ответ. Подсмотренная сцена заставляет меня замереть у самого входа в магазин. Мое лицо под шарфом становится влажным от моего же дыхания, но я не двигаюсь и только смотрю, как шевелятся губы Стивена, – смотрю и гадаю, какие слова он сейчас произносит. Свет люминесцентной лампы падает на его висок, и серебряные нити в его аккуратно подстриженных темных волосах слегка поблескивают, придавая его чеканному профилю еще более кинематографически-благородный вид.

– Прошу прощения, мисс...

Эти слова выводят меня из транса, и я машинально отступаю в сторону, пропуская к дверям женщину средних лет с добрым лицом, которое немного портят слишком большие очки. Женщина входит в магазин, я иду за ней, чувствуя, как оттягивает руку ключ от туалетной комнаты.

Между тем обстановка внутри успела измениться. Стивен смахивает с прилавка свою карточку «Америкен экспресс» и квитанцию. Кассирша-заправщица с профессиональной улыбкой поворачивается в мою сторону, и я возвра-

щаю ей ключ от туалета. Потом Стивен обнимает меня рукой за талию, а я, в свою очередь, прижимаюсь к нему.

– Твоих «Поцелуйчиков» не было, я взял «Ризес» с арахисовым маслом, – сообщает Стивен, пока мы, повернувшись спинами к синеволосой заправщице, идем к выходу.

– Спасибо. – Я киваю. «Ризес» – его любимые конфеты, а не мои, к тому же в них слишком много арахисового масла, а меня от него всегда начинает подташнивать. Но прежде чем я успеваю что-то добавить, Стивен сует мне в руки свою кредитную квитанцию.

Отзываясь на нажатие кнопки на брелке, «Лексус» приветственно чирикает, приглашая нас поскорее спрятаться от холода в уютный салон. Пока мы заправлялись, с неба начинают сыпаться первые снежинки. Их пока мало, но каким-то образом они все же попадают в щель между шарфом и моей кожей, и я ощущаю их холодное прикосновение словно уколы, от которых по плечам бегут мурашки.

Стивен возле водительской дверцы несколько раз энергично наклоняет голову сначала в одну сторону, потом в другую, и я слышу, как похрустывают его шейные позвонки.

– Если хочешь, я могу повести, – предлагаю я, перегибая в несколько раз квитанцию.

– Нет, все в порядке. Справлюсь.

– Ты уверен? Мы уже давно в пути, а ты, наверное, устал.

– Нет, ничего. К тому же мне не хочется, чтобы ты нервничала из-за всего этого снега на дороге.

– Ты же знаешь, я хорошо вожу.

– Конечно, знаю, но... Ты лучше расслабься и думай о чем-нибудь приятном. Не успеешь оглянуться, как мы уже будем на месте, – отвечает Стивен, усаживаясь за руль.

Мы возвращаемся на шоссе, и я чувствую, как с каждой милей наш уик-энд вдвоем становится все более реальным. Из решеток отопителя струится живительное тепло, и я бросаю быстрый взгляд на своего спутника. Его лицо, повернутое ко мне в профиль, освещают попеременно то дорожные фонари, то фары встречных машин. Свет и тени проносятся по лбу и щекам, словно вторя движению мыслей.

Мой взгляд продолжает метаться между созвездиями хвостовых огней впереди и лицом Стивена, но в конце концов задерживается на последнем. Я смотрю на четкий абрис его прямого носа, на линию высокого лба, на изгиб чуть выпяченной нижней губы, и в моем сердце вскипает такая буря чувств, что мне становится трудно удерживать их внутри. Мне даже приходится ущипнуть себя за складку кожи между указательным и большим пальцами левой руки. Я сжимаю ее до тех пор, пока боль не пересиливает все остальное. Мне с трудом верится, что мы вместе целых шесть месяцев – своего рода рекорд! Да, в последнее время нам многое мешало, но все это мы оставили в городе, так что сейчас в машине были только он и я. И никого, кроме нас...

Мы пересекаем границу штата, и монотонный гул шоссе начинает меня усыплять. Веки тяжелеют, и я, откинув спин-

ку сиденья немного назад, с наслаждением вытягиваю ноги, готовясь с комфортом провести остаток пути до залива. Но мои ноги упираются в сумку, и я несколько раз пинаю ее, надеясь отвоевать себе побольше места.

– Положи ее на заднее сиденье, – советует Стивен, не поворачивая головы.

– Да нет, все нормально. – Наклонившись вперед, я придвигаю сумку вплотную к своему сиденью и наконец-то вытягиваю ноги на полную длину.

– У твоей сумки такой вид, словно она вот-вот лопнет по швам, – смеется Стивен, и его смех словно птица мечется в ограниченном пространстве салона. Я снова наклоняюсь и прячу в сумку неоткрытый пакет «Ризес».

– Что у тебя там? – спрашивает он, бросая в мою сторону быстрый взгляд, но я успеваю закрыть сумку на молнию. – Небось припасла для меня какой-нибудь подарок?

– Вот и нет. – Я очень не хочу, чтобы он увидел, что для него «припасла». Во всяком случае, не сейчас. – У меня там... вещи. Самые обычные. Кошелек, туалетные принадлежности, книги и все такое прочее.

– Книги? Ты что, взяла с собой домашнее задание?

– Да. То есть нет... Это не домашка, а так... Одно исследование. Мне нужно написать эссе по Достоевскому, и я подумала – может, я успею кое-что почитать.

Его глаза на несколько мгновений отрываются от асфальтовой ленты впереди, которую вырывают из темноты наши

фары. Бросив в мою сторону вопросительный взгляд, Стивен снова начинает смотреть на дорогу.

– Мне казалось, ты давно его сдала. Это то самое эссе, по «Идиоту»?

– Нет, другое. По «Бесам».

Стивен снова смеется.

– Превосходно! Я-то думал, мы с тобой как следует отдохнем, а теперь ты заявляешь, что намерена вместо этого заниматься русскими бабниками и убийцами!

– Я подумала, *профессор*, что вам было бы полезно посоветоваться за мое внимание хоть с кем-нибудь. Пусть даже с литературными персонажами... А если мы вдруг исчерпаем темы для разговоров, вы могли бы дать мне пару советов по проблеме «вины и гордыни» в «Бесах».

– Надеюсь, я сумею найти для нас занятие поинтереснее, и нам не придется обсуждать Достоевского, – говорит он и, отняв руку от рулевого колеса, легко касается пальцами моей щеки.

– Там видно будет, – отвечаю я.

Он кладет руку мне на затылок и, притянув к себе, быстро целует.

Стивен

Стивен выключил мотор. За последние сорок пять минут его телефон начинал вибрировать несколько раз. В замкнутом пространстве салона этот зудящий гул казался необычайно громким, но Элли, которая мирно спала на пассажирском сиденье, не проснулась, и это было как нельзя кстати.

Играя перстнем на мизинце, Стивен стал читать поступившие сообщения.

«Скучаю. Хочу тебя».

«Нужно поговорить».

«Почему ты не отвечаешь?!»

«Я все знаю. Знаю, что ты сейчас с ней».

Последнее сообщение заставило Стивена нахмуриться. Дело было не столько в непонятной осведомленности отправительницы этого сообщения, а в том, что это могло означать. А означать это могло вполне определенное преимущество – власть, которую она могла использовать против него. И тогда...

Он не встречался с Д. с тех пор, как обратил внимание на Элли, к тому же, – если быть откровенным до конца, – их отношения успели подвыдохнуться, потерять новизну и

привлекательность. В последние недели две Д. буквально бомбардировала его эсэмэсками, но он не отвечал и не перезванивал. Несколько раз Стивен видел ее слоняющейся у входа в Ричмондскую подготовительную⁴, но он, к счастью, был занят разговором с коллегами-преподавателями, и она не осмелилась подойти. А потом он ускользнул. Ее навязчивость уже давно стояла ему поперек горла: с ее стороны это было так глупо и так по-детски... Другое дело – Элли. Ну просто никакого сравнения! Просто великолепно, что возможность поехать с ней за город на уик-энд подвернулась именно сейчас. Уж он-то постарается извлечь из этой поездки максимум удовольствия.

Несколько мгновений Стивен смотрел на мерцающий экран телефона, пытаясь сформулировать в уме ответ. Несколько раз он даже начинал набирать какие-то слова, но они передавали слишком много или слишком мало, и Стивен стирал их, так и не закончив предложения. В конце концов он выбрал простой и надежный вариант, который как минимум мог помочь ему выиграть время.

«Здесь не принимает. Перезвоню, как только смогу».

Стивен нажал кнопку «Отправить» и спрятал телефон в нагрудный карман. Он не допустит, чтобы то, что происходит сейчас в Нью-Йорке, испортило ему долгожданные выходные. Что бы там ни происходило.

⁴ Подготовительная школа – дорогостоящая частная школа по подготовке абитуриентов к поступлению в колледж, особенно престижный.

С приборной доски глядел на него журавлик – оригами, которое Элли сложила из бумажной квитанции.

Повернувшись на водительском месте, Стивен посмотрел на нее. Она спала, свернувшись клубком и по-прежнему пристегнутая зигзагом ремня безопасности. Ее волосы отливали разными оттенками жженого сахара, шоколада и светлого меда, пальцы были чуть согнуты, на выглядывающем из рукава запястье темнела маленькая татуировка, немного похожая на знак бесконечности. Сверху линии обеих петель были разорваны, и рисунок отдаленно напоминал стилизованную букву «в». Татуировка Стивену не нравилась – он вообще не одобрял, когда молодые девушки расписывали себя геометрическими узорами, китайскими иероглифами и странными символами. Но такова была современная мода, и он был вполне в состоянии представить, как другие парни целуют чернильный символ, поднимаясь все выше по обнаженной руке Элли. Но сейчас она принадлежит ему, и Стивен постарался отбросить все мысли о прошлых и будущих соперниках. Подняв руку, он отвел с лица Элли упавшую на него прядь, любуясь ее припухшими губами – чуть выпяченными, как у младенца, когда он сосет собственный палец.

Еще до того, как она заснула, признаки и приметы цивилизации за окнами машины начали исчезать один за другим, и они, смеясь, прощально махали им руками. Хорошо освещенное шоссе уступило место темным сельским дорогам. Исчезли густонаселенные, мерцающие огнями кварта-

лы пригородов, остались далеко позади загородные торговые центры, перестали попадаться даже уединенные придорожные мотели. Последними пропали другие автомобили, остался только их летящий сквозь тьму «Лексус», темное пятно зимнего леса по сторонам дороги да мелькающие в зеркале заднего вида фары какой-то попутной машины, которая в конце концов тоже свернула куда-то в сторону. Какое-то время эти одинокие огни служили им развлечением, из-за чего они едва не проскочили поворот на замерзшую грунтовку, служившую чем-то вроде подъездной аллеи – короткий темный разрыв в сплошной стене безмолвных, темных деревьев.

– Элли, проснись! Приехали!

Она пошевелилась, посмотрела на него, сонно моргая, и ему снова захотелось ее поцеловать. Наконец она выпрямилась и посмотрела вперед – на темный силуэт дома, освещенного только фарами «Лексуса». Несмотря на то что в доме было всего два этажа, его темная громада нависала над ними как скала, загородив полнеба, и Стивену пришлось наклониться над рулем и изогнуть шею, чтобы разглядеть на фоне темного неба острый треугольник конька. На первый взгляд дом выглядел состоящим из противоречий – дерево и стекло, сталь и кирпичная кладка. Каким-то образом он и сливался с окружающим ландшафтом, и в то же время выделялся на фоне стоящего позади него леса. Фары «Лексу-

са» отражались в высоких окнах, отчего казалось, будто дом уставился на пришельцев своими огненными очами. Стивен даже подумал: дом словно рассматривает их, оценивает, решая про себя, достаточно ли они хороши, достойны ли провести под его крышей целых три дня.

Все остальное тонуло в темноте, из которой доносился тихий шепот набегающих на берег волн – звуковой мираж океана, который вздыхает и жалуется среди бесконечной пустоты.

– Мы приехали, – повторяет за ним Элли. Она словно обращается к дому за лобовым стеклом. Звук ее голоса освобождает его от наваждения.

– Как здесь темно!

– Что ж, давай войдем внутрь и зажжем свет. Согласна?

Стивен открыл дверцу со своей стороны и выбрался в морозную тьму. Пока он доставал из багажника вещи, Элли отыскала в почтовом ящике ключи. С сумками в руках Стивен двинулся к крыльцу, но внезапный порыв ветра поднял с земли вихри свежевывавшего снега и толкнул его в грудь. Именно в этот момент включился фонарь-автомат, настроенный на движение, и над его головой алмазами засверкала на козырьке крыльца бахрома острых сосулек. Не без труда преодолев сопротивление ветра, Стивен поднялся по ступенькам и остановился, дожидаясь, пока обогнавшая его Элли вставит ключ в замочную скважину.

– Давай быстрее, я уже замерз, – сказал он, притопывая

ногами и вжимая голову в плечи.

– Я стараюсь, но...

Элли сделала неловкое движение и выронила ключи. Сорвавшееся с ее губ крепкое словцо заставило Стивена улыбнуться.

Наконец ключ вставлен, но дверь по-прежнему не открывается.

– Наверное, замок замерз. Надо немного покрутить ключом из стороны в сторону, – сказала Элли, и почти сразу послышался долгожданный щелчок замка.

Они вошли, и Элли ногой закрыла за ними дверь. Шаги по каменной плитке пола разбудили гулкое эхо, дававшее примерное представление о величине прихожей. Здесь было еще темнее, чем снаружи, и Стивен совсем не видел Элли, которая смело двинулась вперед. Но и она тоже не видела ничего, поэтому, когда он со стуком уронил сумки на пол, вскрикнула от неожиданности.

Стивен направился на звук.

– Черт, это еще что такое?! – воскликнул он, запнувшись ногой о какой-то предмет.

– Моя сумка, наверное, – откликнулась Элли. – Как вы думаете, профессор, не зажечь ли нам свет, а то в темноте как-то...

Следуя ее указаниям, Стивен чуть не ошупью вернулся к парадной двери и принялся шарить руками по стене, пока не наткнулся на гладкий пластик выключателя.

Щелчок, и в прихожей вспыхнул яркий свет. В просторном помещении с высоким потолком Элли выглядела совсем маленькой и юной, и Стивен невольно улыбнулся, думая о том, как они будут три дня жить в этом огромном доме, затерянном в глухих лесах на Чесапикском берегу. Пол в прихожей был выложен крупной черной и белой плиткой, и Элли стояла на нем словно одинокая пешка на шахматной доске. И она улыбалась ему – черному королю, который вот-вот сделает свой победный ход.

Стивен почувствовал в чреслах растущее напряжение. Теперь, когда они наконец добрались до места назначения, его фантазии обрели вполне конкретные очертания. Три дня уютных ужинов вдвоем, три дня романтических прогулок по побережью, три дня взаимного наслаждения близостью. И никаких помех – никаких лекций, никаких заседаний, никаких домашних заданий и других срочных дел. Можно отбросить благоразумие и осторожность, все равно поблизости нет никого, с кем ему пришлось бы ее делить. Здесь все внимание Элли будет принадлежать ему одному. Здесь их никто не увидит, и они могут, не стесняясь, проделывать все, что только взбредет в голову, не заботясь о том, что скажут соседи.

Хорошо, что они сюда приехали. Поначалу, правда, Стивен сомневался – уж очень неожиданным показалось ему предложение Элли, но сейчас он думал о том, что провести

три дня вдали от цивилизации было превосходной идеей.

Что ни говори, а она молодец. А уж он постарается ее не разочаровать.

Стивен

Чмокнув его в щеку, Элли вызвалась сходить к машине, чтобы забрать оставшиеся в багажнике продукты. Стивен согласился, и она двинулась к входной двери. Стоило ей, однако, шагнуть за порог, как ее тут же скрыл из глаз вихрь шелестящих снежинок.

– Главная спальня наверху, первая дверь направо, – крикнула она ему из снежного облака, и Стивен представил себе, как она улыбается и моргает, пытаясь стряхнуть с ресниц налипшие снежинки.

Пока ее не было, Стивен подхватил сумки и, шагая через две ступеньки, начал быстро подниматься по лестнице – внушительной конструкции из дерева, стекла и металла, спеша поскорее водвориться в спальне, где готовность Элли угождать должна была проявиться в полной мере. На верхней площадке он увидел сразу несколько дверей по обеим сторонам коридора, но, вооруженный точными указаниями, двинулся к первой двери справа, решив отложить обследование остальных комнат на потом.

Хозяйская спальня – как и весь остальной дом, точнее та его часть, которую он успел осмотреть, – сразу же завладела

его вниманием. Стивен даже задержался на пороге, разглядывая огромные, от пола до потолка, окна и стену голых деревьев по другую сторону стекла. Внутри него даже проснулось легкое беспокойство, вызванное видом огромных, черных, многоруких призраков, которые раскачивались снаружи на ледяном ветру.

Наконец он поставил сумки на королевских размеров кровать и достал оттуда свою тщательно сложенную одежду. Повесив рубашку на плечики, Стивен любовно расправил рукава и только потом отнес ее в глубокий стенной шкаф. Рядом с его сумкой лежала пузатая сумка Элли, набитая, несомненно, всяким барахлом. Глядя на сумку, Стивен невольно нахмурился. Небрежность и неаккуратность Элли нередко его раздражали. Порой ему казалось, что она просто не способна аккуратно повесить куртку на вешалку, предпочитая швырнуть ее на спинку стула или на поручень дивана. Именно поэтому Стивен даже не пытался представить себе, что она носит в этой своей дурацкой сумке через плечо. Слава богу, он сумел хотя бы отучить ее загибать уголки страниц в книгах, которые она читала. В первый раз, когда Элли проделала это у него на глазах, Стивен не выдержал и, вскочив с дивана, выхватил у нее книгу, прежде чем она успела испортить ее еще больше. На лице Элли промелькнул самый настоящий испуг, и он постарался обратить все в шутку, вручив ей комплект фабричных закладок. После этого случая Элли не раз принималась поддразнивать его, называя старомодным, но —

и это было главным – больше никогда не пыталась загигать уголки страниц.

Подойдя к окну, Стивен поискал взглядом ее фигуру внизу возле машины, но сумел разглядеть только оставленные ими обоими следы на снегу. Пока он смотрел, прожектор-автомат, снабженный датчиком движения и таймером, погас, и площадка перед домом погрузилась во мрак. Элли по-прежнему нигде не было видно, и Стивен машинально прислушался к звукам, доносившимся до него сквозь распахнутую дверь спальни, стараясь обособить каждый из них и определить его природу. Вскоре он различил шаги и попытался представить, как Элли ходит кругами по комнатам первого этажа, рассматривает незнакомую обстановку, разыскивает шкафы, буфеты, кладовки. Ее шаги звучали почти робко, и его это не удивило: Стивен давно понял, что незнакомая обстановка действует на Элли угнетающе. Он подметил это еще на вечеринке у Джефффри.

В первый раз он взял ее с собой на светское мероприятие всего через месяц после того, как они начали встречаться. Как и следовало ожидать, Элли повисла у него на руке и не отпускала ни на секунду, ожидая, что он познакомит ее с друзьями и коллегами. Она старалась держаться уверенно, но Стивен чувствовал, как ее пальцы крепче сжимают его бицепс каждый раз, когда к ним кто-то приближался.

– Привет, Джефффри.

– Привет, Стивен. Очень рад, что ты смог приехать. Как поживает твой отец? – спросил Джеффри, протягивая ему руку. Стивен ответил на приветствие, но, пожалуй, сжал руку приятеля чересчур сильно.

– Спасибо, у него все хорошо. Планирует заняться продвижением своей новой книги.

Каждый раз, когда Стивен оказывался среди коллег, всюду повторялась одна и та же история. Кто бы ни заговаривал с ним, первый вопрос неизменно был о его отце, о том, что он поделывает и что собирается делать. Из-за этого Стивен начинал чувствовать себя мальчишкой, который никак не может выйти из тени своего знаменитого отца. К счастью, в последнее время у него появилась надежда: декан Колумбийского университета предложил ему место на кафедре литературы, где ему предстояло преподавать «Введение в литературоведение». Стивен ответил согласием, что не только обеспечивало ему вожделенное звание профессора престижного университета, входящего в Лигу плюща⁵ (с такой же точно позиции начинал тридцать лет назад его отец), но и открывало заманчивые карьерные перспективы. Скоро, очень скоро он навсегда распрощается с крошечным кампусом и своими двумя часами в неделю в Ричмондской подготовительной и начнет преподавать английскую литературу юношам и де-

⁵ Лига плюща – группа самых престижных частных колледжей и университетов на северо-востоке США, известных высоким уровнем обучения и научных исследований. Название связано с тем, что по английской традиции стены университетов – членов Лиги увиты плющом.

вушкам из самых известных семейств в Верхнем Ист-Сайде! Несомненно, он стоит на пороге успеха, и теперь уже скоро, совсем скоро его перестанут считать всего лишь сыном профессора Стюарта Хардинга.

– А как зовут твою очаровательную спутницу? – спросил Джефффри, разглядывая Элли, которая еще крепче стиснула локоть Стивена. Проследив за взглядом приятеля, Стивен не мог не признать, что Элли, одетая в узкое вечернее платье без бретелек, выглядит просто великолепно. Он был совершенно прав, когда настоял, чтобы она надела именно его.

– Познакомься, это Элли Мастертон. Элли, это Джефффри Кирклэнд. Он преподаватель кафедры математики Нью-Йоркского университета.

– Рада познакомиться, Джефффри.

– Зовите меня просто Джефф. Полным именем называют меня только моя матушка да вот этот старый зануда, – рассмеялся Джефффри, легко касаясь губами ее протянутой руки. – Я тоже очень рад нашему знакомству, Элли.

Стивен сдержанно улыбнулся. Он очень гордился своими принципами и своей способностью не отступать от них ни при каких обстоятельствах. В частности, Стивен не признавал никаких прозвищ и уменьшительных имен – особенно по отношению к мужчинам. Их использование казалось ему пошлым и унижительным, словно подобные слова превращали его в более дешевую версию себя самого. Неудивительно, что он слегка забеспокоился, когда Элли впервые назва-

ла ему свое имя. «А как твое *полное* имя?» – переспросил он. «Элли, – ответила она. – Просто Элли, и все». Но он уже тогда догадывался, что ничего простого в ней не было.

Оставив свою спутницу болтать с Джеффри, Стивен направился к бару, где взял себе бурбон. Не спеша потягивая виски, он смотрел, как Элли слушает истории Джеффри о том, как много лет назад они со Стивеном вместе учились в Принстоне. Джеффри всегда их рассказывал. Элли кивала, изредка заправляя за уши пряди длинных волос; во все остальное время ее руки были скрещены перед собой.

Стивен был не единственным, кто наблюдал за Элли. У другого конца бара небольшая группа профессорских жен, включая супругу Джеффри, пристально следила за ней, негромко переговариваясь, кивая, оценивая. Когда же они перенесли свое внимание на него, Стивен изобразил улыбку и слегка приподнял свой бокал в знак того, что заметил и их, и то неодобрение, с которым они отнеслись к значительной разнице в возрасте между ним и его спутницей. Элли привлекала к себе и немало мужских взглядов, но против этого Стивен не возражал. Напротив, он был даже доволен. Парни могут облизываться и флиртовать сколько угодно, все равно сегодня вечером Элли ляжет в постель с ним, и ни с кем другим.

И, отвернувшись, Стивен сделал бармену знак повторить. – Как ты? – Какое-то время спустя рука Элли снова легла на его локоть.

– А ты? – ответил он вопросом на вопрос. – Скучаешь?
Она пожала плечами.

– Я не знаю никого из этих людей. Они ведь все, наверное, профессора, преподаватели, ученые... С ними я чувствую себя неловко. – Она улыбнулась профессорским жеманам и, понизив голос, добавила: – Кроме того, эти женщины, кажется, думают, что я, как другие студентки, которые не прочь подработать, должна бы сейчас сидеть с их детьми, а не шлаться по приемам с мужчиной, который старше меня на семнадцать лет.

– Двадцать три года – многовато для студентки-бебиситтер.

– Ты прекрасно понял, что я имею в виду.

– Идем, – сказал он ей и взял Элли за руку. Сплетя свои пальцы с ее, он повел девушку вверх, где находилась туалетная комната. На вечеринке было достаточно гостей, чтобы их пятнадцатиминутное отсутствие могло пройти незамеченным.

– Стивен!!!

Его имя пронеслось в воздухе как стрела. Выбежав из спальни, он ссыпался по лестнице, чувствуя, как стучит в висках насыщенная адреналином кровь. Почему-то этот дом нервировал его, хотя он не мог бы сказать, в чем дело. Не следовало ему оставлять Элли одну...

Вот он уже в прихожей, но здесь никого нет, и в стылом воздухе не ощущается ни малейшего движения.

– Элли?

Быть может, его раздражала слишком современная – ультрамодерновая – архитектура дома: холодность стекла, безличность прямых линий и острых углов. Стивену нравились другие дома – дома с собственной историей, со стенами, которые десятилетиями и веками противостояли непогоде, с покоробленными половицами, которые приобрели свою форму под тяжестью поколений жильцов.

– Я здесь, – голос Элли донесся из комнаты справа, которая оказалась просторной гостиной/столовой.

Широкое панорамное окно, фактически стеклянная стена, заставило Стивена ненадолго утратить дар речи и вселило в сердце новую смутную тревогу. За окном царила полная темнота, но он знал, что в ней скрывается угрюмый, заваленный снегом лес, который тянется от дома до самого океанского побережья с его бушующими волнами, грозный гул которых был слышен в комнате, даже несмотря на тройное остекление. Природа в самой суровой своей ипостаси буквально ломилась в комнату, и Стивен почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

– Ты только посмотри на это! – сказала Элли. Ее взгляд был устремлен на противоположную от окна стену, и Стивен, повернувшись в ту сторону, с трудом подавил удивленный возглас. Вся стена целиком была от пола до потолка уставлена книгами.

– Как ты думаешь, сколько их здесь? – спросила Элли, ко-

торая, задрав голову, разглядывала бесчисленные корешки.

Стивен провел рукой по лицу и нахмурился.

– Господи, Элли, я уж думал – с тобой что-то случилось!

В другое время он был бы только рад как следует порыться в этой внушительной библиотеке в надежде раскопать что-нибудь интересное – какое-нибудь литературное сокровище, спрятанное на тесных деревянных полках, например первое издание или том с авторским посвящением на титульном листе. Но не сейчас. Эти три дня на берегу Чесапика он планировал посвятить Элли.

– Извини. Мне просто хотелось тебе показать... – В ее голосе больше не было слышно ноток воодушевления, и Стивен немного смягчился.

– Я понимаю. Спасибо. Наверное, я просто немного устал с дороги. Мы все здесь как следует рассмотрим, но только завтра, а сегодня давай отдыхать...

Как и всегда, его улыбки оказалось достаточно, чтобы выманить Элли из ее раковины.

– Только после тебя...

Стивен первым пошел к лестнице. Элли, шаркая ногами, шла следом.

– О черт!... – услышал он и обернулся. Оказалось, что Элли отстала и стоит посреди прихожей, вертя в руках телефон.

– Ну, что теперь?..

– Похоже, здесь нет сети, – откликнулась она, тупо уставившись на экран.

– Ты уверена? Но я только что... – Стивен выхватил свой телефон и увидел, что две полоски, которые он видел еще полчаса назад, исчезли. В задумчивости он поднялся по лестнице на несколько ступенек, потом снова спустился, но картина не изменилась. Похоже было, что в ближайшие три дня они будут полностью зависеть не только от капризов погоды, но и от капризов связи. Что ж, по крайней мере теперь Д. совершенно точно не удастся засыпать его сообщениями, а значит, никто и ничто не омрачит ему предстоящие выходные. Отлично!

– Идем, – сказал Стивен, снова пряча телефон в карман. – Надеюсь, ты сумеешь прожить без телефона ближайшие три дня.

28 августа

Вчера в конце дня твоя дверь была открыта. Когда я переступила порог, твоя рука легла мне на шею сзади. Слегка надавливая на нее кончиками пальцев, ты направлял меня куда тебе хотелось.

Неожиданное прикосновение поначалу заставило меня напрячься. Я вглядывалась в твое лицо, но оно ничего не выдавало, и я так и не поняла, был ли твой жест целенаправленным или чисто рефлекторным.

Ты открываешься мне. Мы с тобой – родственные души, которые нашли друг друга в этом странном месте, в лабиринте коридоров и комнат, среди моря безымянных лиц. Ты такой же, как я. Как и у меня, здесь у тебя никого нет. И для тебя это тоже внове.

Крутя на мизинце этот свой перстень, ты сказал:

– Очень приятно поговорить с кем-то, кто тебя понимает.

Сегодня я заметила, что ты глядишь на меня. Сначала я думала – это просто совпадение. Просто я случайно подняла голову как раз в тот момент, когда твой взгляд, обегавший комнату, упал на меня. Зачем бы тебе на меня смотреть? Я никто. Во мне нет ничего особенного. Но когда я осмелилась посмотреть на тебя снова, я наткнулась на твой взгляд. Ты ждал, чтобы я посмотрела на тебя.

И в твоих глазах я увидела улыбку.

Элли

Осевший на зеркало влажный пар исчезает под моей рукой, и я вижу размытое отражение собственного лица на фоне темного прямоугольника распахнутой двери позади. Какое-то время я сомневалась, что мы сюда доберемся. В последнее время он казался слегка рассеянным, его взгляд блуждал, мысли убегали неизвестно куда. Мне даже показалось – я могу его потерять. Да и причины для сомнений у меня тоже были. Последняя из них, мелькнувшая в запотевшем зеркальце заднего вида, была одета в ярко-алую лыжную куртку и имела растрепанные светлые волосы. А еще раньше Стивен был странно холоден, а потом... потом эта ужасная ссора в галерее... Как близко мы подошли к тому, чтобы расстаться? При одной мысли об этом я испытываю в подвздошье сосущее чувство страха. Теперь все будет зависеть от того, как пройдет эта наша юбилейная поездка. Впрочем, я постараюсь, чтобы все было как надо.

Сырой воздух ванной комнаты наполняет меня ожиданием. Я сижу на унитазе и, согнув спину, упираюсь локтями в колени. То, о чем я так мечтала, все-таки происходит: я здесь, с ним. Только я и Стивен, и ни души вокруг... При

мысли об этом у меня по спине бегут мурашки.

Я встаю, роняя на пол полотенце, в которое была завернута. Одеваюсь. Мои пальцы сражаются с пуговицами пижамы. Пижаму подарил мне на Рождество Стивен, хотя мы и договорились ничего друг другу не покупать.

Как-то вечером, когда мы засиделись в гостиной за бутылкой дорогого вина, я проболталась, что с самого детства, когда я впервые увидела фильм «Римские каникулы», мне очень нравятся мужские пижамы: Одри Хепберн в пижаме Грегори Пека меня буквально зачаровала. И вот, дня за два до Рождества, Стивен устроил мне сюрприз, преподнеся картонную коробку, в которой лежала точная копия знаменитой кинопижамы.

Подобное проявление внимания застало меня врасплох. На какое-то время я даже утратила дар речи. Мне было приятно, и в то же время я чувствовала себя обманутой. Ведь мы же договорились ничего друг другу не дарить! А главное – что теперь делать мне? Что вообще можно подарить мужчине, который живет на Сентрал-Парк-Уэст и даже в магазин надевает золотую «Омегу», словно это дешевые китайские кварцевые часы?

Как и следовало ожидать, не успела я примерить пижаму, как ему загорелось ее с меня снять. Стивен даже сказал – ему, мол, нравится, как знаменитая пижама смотрится на полу его спальни.

Короткий приступ сентиментальности проходит, и я сно-

ва сосредотачиваюсь на очередной пуговице, которая никак не лезет в петлю. «Ну давай же!.. Я все равно тебя застегну!»

Мысль о том, что сейчас он находится совсем рядом, за этой стеной, и что на много миль вокруг нет больше ни одного человека, наполняет меня волнением и... предвкушением. Торопливо покинув ванную комнату, я быстро пересекаю спальню, сопровождаемая его удивленным взглядом.

– В чем дело?

– Все в порядке, просто я решила заранее принести снизу стакан воды. А тебе что-нибудь нужно?

– Ничего, спасибо, – отвечает он, забираясь под одеяло. – Только поспеши, я жду.

Эти слова он сопровождает одной из своих обаятельнейших улыбок, которые неизменно влекут меня к нему, и мои пальцы соскальзывают с дверной ручки.

– Я быстро, – говорю я и, с трудом разорвав зрительный контакт, выскальзываю за дверь.

Коридор погружен в темноту, но я не включаю свет. На противоположной стене темнеют три двери. Я смотрю на них, и мне кажется: одна из них вот-вот откроется, а я понятия не имею, кто или что окажется с другой стороны. Понемногу мною овладевает желание запереть их как следует, хотя я твердо знаю – за ними нет ничего, кроме мебели, которая замерла, застыла вне времени в ожидании момента, когда нужно будет исполнить свое предназначение.

Я росла в разных домах. Их было много; я даже затрудня-

уюсь сказать – сколько, но все это были не настоящие дома. Это были просто оболочки из дерева, гипсокартона и штукатурки – совсем как раковины моллюсков или раков-отшельников. Их пустые, гулкие комнаты только и ждали, чтобы мы сложили там наши вещи, наполнили их своими голосами и согрели своим теплом, но только до очередного переезда. Пожалуй, только один дом сумел незаметно просочиться ко мне в память, остаться там. Почему?.. Причина не имела отношения ни к самому дому, ни к городу, ни к прекрасному климату.

Нет, я вовсе не жалею обо всех наших бесчисленных переездах. Благодаря им – *в том числе* благодаря им – на папины похороны пришло, приехало, прилетело так много людей. Да и то сказать: на протяжении почти трех десятков лет он находил друзей и знакомых в самых разных уголках страны, которые в течение какого-то отрезка времени считал своим домом. У папы был этот талант, у меня – нет. «Притворяйся, пока не получится, Букашка!» – говорил он мне, и я старалась. Старалась, но...

Коридор передо мной дрожит и расплывается, и я несколько раз моргаю, чтобы отогнать печаль.

Затолкав воспоминания поглубже, я шагаю к лестнице. На площадке я останавливаюсь и рассматриваю перила из темного махагони, на которых лежит моя рука, потом наклоняюсь вперед, чувствуя, как врежется в живот твердое дерево. Высота здесь футов пятнадцать, если не больше, и клетчатый

как шахматная доска пол внизу виден в полутьме как чередование светлых и темных пятен. Я приподнимаюсь на цыпочки и сдвигаюсь чуть дальше вперед, повисая над пустотой. Глубокий вдох наполняет меня тишиной и неподвижностью зимней ночи. Только он и я... Тяжесть этих слов давит на меня изнутри, и мои пятки снова касаются коврового покрытия. Чуть слышно скрипит подо мной толстая деревянная половица.

Вода с шумом вырывается из кухонного крана. Наполнив стакан, я выключаю воду и на несколько секунд замираю, слушая тишину, вбирая в себя давящий мрак. Окно кухни – черный квадрат, врезанный в серую стену. Тишина снаружи кажется зловещей, и я крепче прижимаю к груди стакан с водой. На Манхэттене такой тишины не бывает – там всегда шумно, светятся окна домов, вспыхивают фары машин, и со всех сторон доносятся звуки: шаги и голоса множества людей, которые живут на противоположной стороне улицы или в квартире наверху или рядом. Здесь ничего этого нет и в помине. На много миль вокруг нет ни одной живой души, и я ловлю себя на том, что воспоминания о других людях отдаляются и тают. Еще немного, и я начинаю чувствовать себя человеком, который, как в фильме-катастрофе, пережил ядерный апокалипсис на уединенной ферме в горах и не имеет ни малейшего представления о том, уцелел ли кроме него еще хоть кто-нибудь.

Мои глаза понемногу привыкают к темноте. Внезапно я

замечаю какую-то тень, которая мелькает на опушке и сразу же скрывается за деревьями. По спине бежит холодок, руки покрываются гусиной кожей. Никаких звуков я, разумеется, не слышу – тройные стеклопакеты надежно ограждают нас от внешнего шума, но... Что это могло быть? Водятся ли в Мэриленде медведи? Или не медведи, а... волки? Койоты?

Между деревьями снова что-то движется, и я делаю шаг к окну. Опасность, которая чудится мне снаружи, притягивает меня к себе, и мне хочется дать ей имя, чтобы она сделалась менее страшной. Я вглядываюсь в частокол черных стволов, пока весь окружающий мир не перестает для меня существовать и я не остаюсь со своим страхом один на один.

Тяжелая рука опускается на мое плечо, и я, вскрикнув от неожиданности, подскакиваю чуть не на фут.

– Это всего лишь я.

– Господи, Стивен, как же ты меня напугал!

Он весело смеется над моим испугом.

– Тебя долго не было, вот я и решил посмотреть, где ты застряла.

– Я... мне показалось – я что-то видела там, в лесу! – Я снова поворачиваюсь к окну, но там ничего нет, только ветер взметает вверх вихри колючих снежинок.

– Наверное, енот рыщет в поисках поживы, – отвечает он и, сделав шаг к кухонной двери, берется за ручку. Нажимает. Дверь не открывается, она надежно заперта. Стивен удовлетворенно кивает и, вернувшись ко мне, обнимает за талию.

– Ну, пойдём. Пора в кровать.

В спальне я беру в руки свою книгу и устраиваюсь под одеялом поудобнее. Но прежде чем я успеваю найти нужную страницу, Стивен выхватывает у меня книгу и аккуратно кладет на пол.

– Извините, мистер Достоевский, но здесь вы лишний.

– Странно слышать подобные вещи от профессора литературы.

Он целует меня. Сначала медленно, неторопливо, но чем дольше его губы задерживаются на моей коже, тем сильнее становится его желание. Сначала он целует меня в щеки, потом в шею, в плечи. Рука Стивена находит под одеялом мою руку и направляет ниже – совсем как тогда, когда мы оказались в постели в первый раз. В ту ночь он тоже направлял меня, обучал своему ритму, показывал, как ему приятнее. Помню, когда я прикоснулась к нему в первый раз, меня удивило его тело. Это не было тело преподавателя – оплывшее, одряблевшее после многих часов сидения за бумагами. Вместо складок кожи я нащупала выпуклые мускулы – твердые и гладкие, словно окатанные морскими волнами камни.

Тем временем его губы – и его внимание – концентрируются где-то между моей шеей и плечом. Горячее дыхание щекочет мне ухо, а пальцы быстро и без усилий расстегивают пуговицы моей пижамы. Стивен совершенно уверен, что мне хочется этого так же сильно, как ему.

Я отвечаю на его ласки, но совершенно машинально. На

самом деле я продолжаю прислушиваться к темноте снаружи. Там, за задернутыми занавесками, мечется ветер – он завывает и стучит в стекло, словно сошедший с ума невидимка, требуя, чтобы его впустили, дали согреться, защитили от огромного ледяного мира, который содрогается сверху донизу, словно вот-вот готов похоронить все и вся под своими обломками. Слава богу, эти огромные окна достаточно прочны, чтобы сдержать непогоду.

А это значит, что и наружу они ничего не выпустят.

Последняя пуговица растегнута, и Стивен спускает пиджамную курточку с моих плеч. Я освобождаю руки из рукавов и обнимаю его. Его ладонь ложится на мою щеку, пальцы касаются шеи. Он улыбается и слегка нажимает мне на затылок, направляя меня туда, куда ему хочется.

Меня будит какой-то шум. Оторвав голову от подушки, я напряженно прислушиваюсь, пытаюсь понять, действительно ли я что-то слышала или мне это только приснилось. По мере того как мои глаза привыкают к отсутствию освещения, из темноты выступают две двери: одна из них ведет в коридор, другая – в большой стенной шкаф.

Чуть слышный шорох повторяется, и мое воображение мигом набирает обороты, наполняя мою голову цитатами и образами из «Сияния» и «Призрака дома на холме»⁶. Про-

⁶ «Сияние» – роман ужасов Стивена Кинга и одноименный фильм. «Призрак дома на холме» – готический хоррор-роман американской писательницы Шерли Джексон, по которому были сняты два фильма и сериал.

ходит совсем немного времени, и я уже не сомневаюсь: стоит мне посмотреть наверх, и я увижу, как по потолку подкрадывается к нам кошмарная фигура с уродливо вывернутыми конечностями. Рядом спокойно дышит Стивен. Он крепко спит. Одной рукой он продолжает обнимать меня за плечи, но его объятия меня не успокаивают. Больше всего мне хочется, чтобы мне не пришлось его будить. Я бы хотела, чтобы он проснулся сам и, посмеявшись над моими глупыми страхами, поцеловал меня в макушку и сказал что-нибудь вроде «не бойся, милая, я ведь с тобой».

Но он не проснулся, и я снова уронила голову на подушку, удивляясь самой себе. В конце концов, я же не ребенок, чтобы бояться буки под кроватью. Да и дом этот не такой старый, чтобы в нем могли водиться привидения. Вот если бы мы заночевали в средневековой разваливающейся усадьбе, сложенной из замшелых каменных глыб, в комнатах с отстающими обоями и гнилыми стропилами, которые за века сделались свидетелями многих странных смертей, тогда, быть может, у меня и были бы основания бояться. Но не здесь, не в этом современном особняке из стали, стекла и бетона, построенном современным архитектором не больше десятка лет назад. С другой стороны, дома – они как люди, и у них в любом возрасте могут быть свои демоны.

Завернувшись в одеяло, я пытаюсь заснуть. Я считаю слонов и верблюдов, а сама думаю о том, что привидения могут появиться в любом доме вне зависимости от его возраста.

Это мы, люди, приносим с собой своих призраков, которые остаются в наших жилищах, когда мы уезжаем, уходим надолго или навсегда.

Еще один скрип достиг моего слуха, но я только крепче зажмурила глаза. Наверное, это дом пытался сказать мне, что я ошиблась и что мне не стоило сюда приезжать.

17 октября

Ты сказал, что я очень красивая. Твои слова застали меня врасплох, но ты улыбнулся и придвинулся ближе. Наши тела соприкоснулись, и ты добавил:

– Что ты со мной делаешь!.. Это колдовство какое-то. Я просто не могу с собой справиться!

Твои губы прильнули к моим, и у меня занялось дыхание. Твой язык медленно скользил у меня во рту...

Ты меня целовал.

Я замерла. Я боялась помешать тебе, боялась, что любое мое движение ты можешь истолковать как просьбу перестать, остановиться... Но я не хотела, чтобы ты останавливался.

Твои руки обхватили меня за плечи, прижали к груди, и я почувствовала, как нарастает внизу живота сырое тепло. Твои ладони опустились к талии, пальцы взяли за край футболки, которую ты мне дал. Ты стащил ее через мою голову, и с этого момента пути назад уже не было. Твои губы шептали мне нежные слова, и я, набравшись храбрости, погладила тебя по щеке. Наш поцелуй длился, казалось, целую вечность, а потом ты взял мои руки в свои и направил их в свои «боксеры».

– Ты не против?

Ты был твердым, горячим и гладким. Мое прикосновение исторгло у тебя прерывистый вздох. Я была источником твоего наслаждения. А ты – моего... Твои пальцы знали такие тайны моего тела, о которых я понятия не имела, и я буквально корчилась от наслаждения.

Тяжесть твоего тела буквально расплющила меня, превратила в горячее, расплывающееся нечто. Боль и удовольствие мешали дышать. Я могла только держаться за тебя, и мои ногти впивались в твою влажную кожу.

– Все в порядке? – спросил ты.

Но я не могла вымолвить ни слова и только кивнула.

Сначала ты двигался медленно, потом – быстрее. Твой ритм захватил меня, и мир вокруг стал меняться. Ты сделал меня другой, новой, незнакомой. И сам ты тоже стал другим, обменяв власть на удовольствие.

Ритм нарастал, он стал лихорадочным. Крепко зажмурив глаза, я сдерживалась из последних сил.

Наконец, опустошенный, ты повалился на меня. Мне было тяжело, но я не стала отстраняться. Мне не хотелось отпускать тебя, не хотелось, чтобы ураган чувств, бушующий в моем теле, сошел на нет так скоро. Наконец ты откатился в сторону, и я избавилась от тяжести, но не от связи, которую мы только что создали. Мне хотелось спросить, что все это означает и кто мы друг другу теперь, но все слова, которые приходили на ум, исчезали, так и не сорвавшись с губ.

В ванной я включила воду и уставилась на свое отраже-

ние в зеркале. Я искала видимых перемен в чертах и красках своего лица, но видела только, как блестят мои глаза. Мне даже показалось, что они стали больше, чем полчаса назад. С края белой фаянсовой раковины подмигнул мне твой перстень, и я машинально примерила его на свой палец, но он был для меня слишком большим и тяжелым. Сняв перстень, я поднесла руку к лицу и почувствовала идущий от пальцев запах. От них пахло тобой, и я не стала мыть руки. Выключив воду, я вернулась в комнату.

– То, что произошло... – начал ты, и я встала как вкопанная. Я была уверена, что ты вот-вот разобьешь мне сердце, положив конец тому, что едва началось, но ошиблась.

– Никому об этом не говори, хорошо? – сказал ты. – Люди не поймут... Да и у меня могут быть неприятности.

Утром я проснулась, все еще ощущая жар прошедшей ночи, который сконцентрировался дюймов на пять ниже пупка. В кои-то веки я встречаю наступающий день с нетерпением. Все изменилось, все стало другим. Я сижу, ем и гуляю одна, но теперь меня это не пугает. Я больше не одинока.

Я смотрю на других женщин, и мне их жаль, ведь они не знают, какой вкус у твоих губ.

С наслаждением потянувшись, я глажу себя по животу. В голове всплывают воспоминания о нашем поцелуе, о прикосновении твоих пальцев, и я, отбросив глупый стыд, просовываю руку под резинку трусиков.

Стивен

Стивен приподнялся на локте. Элли спала на боку, изогнувшись вопросительным знаком. Прошлой ночью она лежала в точно такой же позе, но не спала и только кусала нижнюю губу. Отведя ее волосы в сторону, он целовал выступающие бугорки ее позвонков, понемногу опускаясь все ниже, к пояснице и венериным ямкам. А потом прелюдия осталась позади, и Элли следовала каждому его движению, выгибаясь ему навстречу, пока они не измотали друг друга до последней крайности.

Воспоминание пробудило в нем особого рода голод, который он никогда не мог утолить до конца. Он мог бы взять ее снова прямо сейчас – хотя бы просто для того, чтобы еще раз услышать, как она шепчет его имя, пока он движется внутри нее. И ничто ему не помешает.

Прошлой ночью он тоже хотел сделать это еще раз. Элли возбуждала, стимулировала его и физически, и умственно. Стивен никак не мог поверить, что они вместе уже полгода – целых шесть месяцев, сто восемьдесят три дня! Все его прежние связи подходили к концу гораздо скорее. Другое дело – Элли... С самого начала, с их самой первой ночи она

стала той, кому суждено было задержаться надолго. В ней было что-то непостижимое, неудобопонимаемое; это что-то имело над ним власть, и Стивен, как ни старался, никак не мог разрешить эту загадку. А результатом было то, что он неизменно возвращался к ней, как бы далеко его ни заносило. Элли. Надо же, Элли!.. Девушка, которая задержалась... Иногда это его даже беспокоило – он боялся, что под угрозой может оказаться его свобода, однако желание установить с ней более глубокие и полные отношения делалось сильнее день ото дня, и это было удивительно ему самому. Удивительно и непонятно. В последние несколько недель Стивен дошел до того, что почти забыл об осторожности. Элли была создана для него, и при одной мысли о том, что она может оказаться с кем-то другим, Стивен яростно стискивал зубы.

Что она будет делать без него? Только на прошлой неделе, придя к ней на свидание в один из баров, он обнаружил, что Элли о чем-то болтает с каким-то молодым, самоуверенным парнем, по виду – типичным «волком с Уолл-стрит». Он сидел к ней так близко, что Стивен с возмущением подумал о том, что этот субъект вторгся в ее личное пространство, а она... она притворяется, будто ничего не замечает! Впрочем, если Элли и делала что-то подобное, то исключительно из дурацкой вежливости. Любезная улыбка, словно приклеенная к ее лицу, почти не скрывала, как неловко она себя чувствует. Ей очень хотелось, чтобы Стивен ее спас, и он не стал медлить: подойдя к ней сзади, он обнял ее за талию и

привлек к себе для поцелуя. Нахал понял намек. Когда он разжал объятия, его и след простыл.

Стивен непроизвольно покосился на дверь стенного шкафа. Там лежала его дорожная сумка, а в ней – кое-что особенное, что он припас для этой поездки, но почти сразу его мысли снова вернулись к Элли. Одной мысли о том, чтобы приподнять ее пижамную курточку и прильнуть губами к горячей гладкой коже, было достаточно, чтобы пожар внутри него вспыхнул с новой силой.

Стивен предавался своим причудливым фантазиям еще довольно долго, пока его не отвлекло громкое бурчание в животе. Приподнявшись на локте, он бросил взгляд на светящиеся цифры на экране кварцевого будильника. Будильник показывал начало одиннадцатого утра. Ничего себе!.. Похоже, завтрак они проспали.

Стараясь не побеспокоить Элли, Стивен тихонько встал и спустился в кухню. Он поджаривал уже пятый оладушек, когда позади него заскрежетал по полу отодвигаемый стул.

– Почему ты меня не разбудил? – Голос у Элли был хриплым со сна.

– Я собирался, – улыбнулся Стивен. – Но ты так сладко спала, что я решил тебя не тревожить.

– Пахнет вкусно.

– Учитывая, что сейчас уже почти одиннадцать, я подумал, что нам нужно как следует подкрепиться. Совместить завтрак и ланч.

– Не возражаю. А что ты готовишь?

– Оладьи и яичницу с беконом.

– Я думала, готовить завтраки во время нашего романтического путешествия – моя обязанность.

Обернувшись, он успел заметить у нее на лице самоуверенную ухмылку. Волосы Элли кое-как собрала на макушке, стянув резинкой, под левым глазом темнела размазанная тушь, и Стивен подумал, что она была, наверное, единственной девушкой в мире, которая казалась ему привлекательной даже в таком виде. Сидя на высоком стуле, Элли подперла подбородок рукой. Очертания ее тела были почти полностью скрыты просторной мужской пижамой, которую он подарил ей на Рождество.

– На дворе две тысячи пятнадцатый, а не пятидесятые, – заметил он. – Разве ты не слышала о гендерном равноправии?

– Скажи это моей мамочке, – рассмеялась Элли.

Тут в их разговор вмешалась зафыркавшая кофемашина. Стивен нажал кнопку и вылил на сковородку очередную порцию жидкого теста, которое громко зашкворчало. Запахи свежего кофе и горячих оладий наполняли воздух обещанием прекрасного дня.

– Из-за тебя я чувствую себя виноватой. Дай я все-таки тебе помогу, – заявила Элли и, не дожидаясь ответа, соскочила со стула и энергично засновала по кухне. Она достала из буфета чашки и кленовый сироп, потом разыскала в од-

ном из ящиков пачку бумажных салфеток. Глядя за тем, как она хлопочет, Стивен улыбнулся и поставил на стол тарелку со стопкой готовых оладий. Ему казалось – сейчас они похожи на детей, которые затеяли игру в «дом». Наклонившись, он поцеловал Элли в теплую макушку и, пока она разливала кофе, достал из духовки подрумяненный бекон. Достал – и сам себе удивился. Стивен никогда не считал себя склонным к домашним заботам, скорее наоборот. Скучную рутину семейной жизни он терпеть не мог, искренне считая, что создан для большего.

– А это что? – Снова сев на стул, Элли кивком показала на свою салфетку, под которой что-то лежало.

– Не знаю. – Стивен улыбнулся, и Элли достала из-под салфетки маленькую голубую коробочку. Удивление, любопытство и волнение промелькнули в ее глазах, пока она развязывала белую ленточку, которой была перевязана коробочка. В эти минуты Элли выглядела совсем юной, и Стивен, следивший за ее нетерпеливыми движениями и сосредоточенно сощуренными глазами, мог без труда представить себе маленькую девочку, какой она когда-то была, которая рождественским утром распаковывает найденные под елкой подарки.

– Какая прелесть, Стивен! – воскликнула Элли, доставая из коробочки серебряную цепочку с кулоном в виде сердечка. – Скорее помоги мне его надеть! – добавила она, протягивая ему украшение, и Стив надел цепочку ей на шею и за-

стегнул крошечный замочек.

– Ты меня балуешь, правда! Спасибо! – Она поцеловала его в щеку (как всегда по утрам, ее благодарность слегка отдавала мятной зубной пастой) и несколько мгновений смотрела на него, зажав серебряное сердечко в кулаке.

Стивен почувствовал легкое стеснение в груди.

– Ну, давай скорее завтракать, а то все остынет, – сказал он преувеличенно-бодрым тоном и, сев за стол рядом с ней, вооружился вилкой и ножом. Наклонившись над тарелкой, Стивен аккуратно отделил ломтик яичницы, отрезал бекон, подцепил за уголок оладушек и наконец обмакнул все, что было на вилке, в сироп. Элли разрезала свою порцию на маленькие кусочки и не столько ела, сколько раскладывала их по тарелке. Интересно, подумалось ему, она всегда такая сдержанная или она ведет себя подобным образом только в его присутствии?

– Расскажи мне про твою маму, – попросила Элли, деликатно откусывая кусочек бекона.

Этот вопрос заставил Стивена, оторваться от яичницы, которую он тщательно резал ножом. Его отношения с женщинами еще никогда не становились настолько доверительными и требовавшими откровенности.

– Она очень приятная женщина и очень меня любит. Думаю, ты бы ей тоже понравилась. – И он утопил кусочек поджаренного теста в лужице сиропа на тарелке.

Это было практически все, что Стивен мог позволить се-

бе рассказать. Марго Хардинг – любящая жена и мать. Даже слишком любящая. Еще ребенком он видел, как отчаянно она жаждала внимания мужа и как счастлива она бывала, когда ей доставалось хоть что-нибудь – пусть даже откровенная грубость. Да, Марго Хардинг была благодарна мужу за любые крохи внимания, которые ей перепали, – благодарна настолько, что напрочь забывала о таких вещах, как гордость и чувство собственного достоинства. А спустя какое-то время она начала цепляться за сына точно так же, как когда-то цеплялась за мужа – отчаянно, безудержно, до самоотвержения, и Стивен нередко спрашивал себя, действительно ли мать так нуждается в его внимании, или ее просто привлекают те его черты, которые были у него общими с отцом. В детстве ему это скорее нравилось, но уже в подростковом возрасте всеохватная материнская любовь начала его душить, и он нередко отталкивал мать, испытывая одновременно и стыд, и отвращение. Да и как он мог ее уважать, если она сама себя не уважала? До сих пор, вспоминая мать, он начинал злиться на ее безволие и слабохарактерность.

– А что мы будем делать после завтрака? – спросила Элли. Губы у нее были липкими и блестящими от сиропа.

– Предлагаю одеться потеплее и погулять немного в лесу. Исследовать, так сказать, окрестности.

Элли бросила быстрый взгляд за окно. От дома до леса тянулся нетронутый глубокий снег, а небо было закрыто слоем серых облаков, похожих на толстое пуховое одеяло.

– Ты действительно хочешь прогуляться? Мне кажется, на улице очень холодно.

– Холод – ерунда. Надо сходить, пока снег не пошел.

Вместо ответа она спряталась за своей чашкой с кофе, сделав большой глоток.

– К тому же после прогулки у нас появится предлог понежиться перед камином, – добавил Стивен.

Вопрос, таким образом, был решен, и сразу после завтрака они отправились одеваться для прогулки. При этом Стивен постоянно старался *снять* с нее какой-нибудь предмет одежды, а Элли отбивалась, игриво шлепая его по рукам. В этой войне она одержала верх, переплетя свои пальцы с его. В конце концов Стивен позволил ей выиграть этот раунд.

– И это все, что ты надела?..

Элли уже тащила его к выходу из спальни, но этот вопрос застал ее врасплох.

– Да, а что?

– Но снаружи действительно холодно. Мне кажется, в этом ты замерзнешь.

Прежде чем Элли успела ответить, Стивен уже скрылся за дверцей стенового шкафа. Вскоре он вышел оттуда с толстым свитером, связанным косичкой. Элли взяла его и без возражений натянула через голову. Помогая ей, Стивен высвободил из воротника свитера ее длинные волосы и поправил перекрученные рукава.

– Вот, так-то лучше. Я не хочу, чтобы ты превратилась в сосульку.

Его руки скользнули вниз по ее покатым плечам и по холмикам груди. Тело Элли затрепетало от его прикосновений, и Стивен непроизвольно бросил взгляд на кровать, словно приглашавшую их посвятить остаток дня неспешным ласкам.

– Потом. После прогулки! – рассмеялась Элли и, ловко вывернувшись из его объятий, выскользнула за дверь. Она как будто прочла его мысли, и Стивен почувствовал себя слегка обескураженным.

– А здесь что? – спросил он, выходя из комнаты следом за ней и кивая в сторону еще одной двери в самом конце коридора. В отличие от дверей спален она была меньшего размера и более грубой.

– Наверное, ход на чердак.

– Наверное?

– Я так думаю. Она заперта, а где ключ, я не знаю.

Стивен шагнул к двери, нажал на ручку, но та не поддавалась.

– Я же говорю – заперто!

– Интересно, что там, наверху?

– Какая разница? Наверное, пыльное старое барахло, которое свалили туда хозяева. Ну, что встал? Идем же!

Элли нетерпеливо потянула его за рукав, но, когда он повернулся, ее рука соскочила, и она, оступившись, невольно

попятилась назад и наткнулась спиной на перила, ограждавшие площадку лестницы. В ее глазах промелькнул испуг, руки взлетели вверх. Мгновения тянулись как резина, потом вдруг понеслись с удвоенной быстротой. Стивен только и успел почувствовать, как похолодело от страха все внутри. В следующий миг он рванулся вперед и схватил Элли за свитер.

– Господи, Элли, осторожнее!

– Я... Прости, я не... – На глазах Элли выступили слезы. Казалось, она только сейчас поняла, чем все могло закончиться. Стивен перевел дух.

– Ты тоже меня, прости, но... ты меня очень испугала. Свалиться с такой высоты на каменный пол... Ты могла... – Он не договорил. Новый приступ страха лишил его дара речи.

Элли снова взяла Стивена за руку, сплела свои пальцы с его. Он в ответ несильно сжал ее ладонь, и она улыбнулась. Опасность была позади, и Стивен почувствовал, как по его членам растекается мягкое тепло. Оно прогнало прочь последнее напряжение, но пока они спускались по лестнице, Стивен снова и снова спрашивал себя, что могло случиться, если бы он оказался недостаточно проворным.

Стивен

Воздух снаружи оказался по-зимнему свежим, холодным, насыщенным запахом океанической соли и гниющих водорослей.

– Посмотри, какие большие!.. – сказала Элли, и Стивен, который возился с замком, стараясь получше запереть дверь, обернулся. Чуть запрокинув голову, Элли рассматривала зазубренную гирлянду сосулек, свисавших с козырька крыльца.

– Вчера, когда мы приехали, ты, наверное, не обратил на них внимания, – добавила она. – Видишь, какие они красивые?

Подняв руку, Стивен отломил сосульку поменьше. Когда он сжал ее рукой, толстая кожа перчатки чуть слышно скрипнула по льду.

– Если такая штука упадет кому-то из нас на голову, этому кому-то не поздоровится, – заметила Элли.

– Я думаю, такая сосулька может послужить превосходным оружием для идеального убийства, – сказал Стивен. – Достаточно воткнуть ее кому-нибудь в сердце, – проговорил он и непроизвольно взмахнул рукой, имитируя знаменитую

сцену в душе, — и немного подождать, пока лед растает... Никакого тебе орудия убийства, никаких отпечатков. — Он бросил сосульку в снег.

Все еще смеясь, они тронулись в путь. После непродолжительного спора на берег решено было не ходить, поэтому, спустившись с крыльца, оба направились к лесу. Океанские волны чуть слышно шумели далеко позади, поскрипывал под ногами снег. Крепко держа друг друга за руки, Стивен и Элли вступили в сверхъестественную тишину зимнего леса. Как только дом пропал за деревьями, их со всех сторон обступил ландшафт, похожий на великолепный рисунок черной тушью на белой бумаге. Белыми были и земля под ногами, и небо над головой, а линия горизонта почти перестала существовать, скрытая покрытыми черной корой стволами деревьев. Каждый шаг оставлял на снежной пелене неглубокую ямку, которая почти сразу заполнялась сыпучими кристаллами.

Да, здесь снег был совсем не таким, как мокрая бурая слякоть в городе. Здесь он был чистым, сухим, сверкающим. Ночной снегопад стер их вчерашние следы, словно они вовсе сюда не приезжали, тогда как в том же Центральном парке нельзя было найти ни уголка, который не был бы испещрен следами бесчисленных подошв и автомобильных шин, не испорчен песком, копотью и сажей, беспрерывно осаждающимися из воздуха. Здешний нетронутый снег служил еще одним напоминанием о том, в каком уединенном и безлюдном

месте они оказались.

Что касалось леса, пусть и спящего глубоким зимним сном, то он был напоен молчаливой силой, которая полностью завладела их вниманием, пока они молча брели между деревьями. В глубине леса, впрочем, снеговой покров был не таким глубоким, как на открытом месте. Кое-где из-под него даже проступали полосы земли, которые казались подсыхшими болячками на алебастрово-белой коже.

Элли шла рядом с ним. Она держала Стивена за руку и, положив голову ему на плечо, с каким-то даже изумлением разглядывала плотно переплетенные ветви над их головами. Стивен, искоса на нее поглядывавший, догадывался, что она думает о чем-то важном, значительном, но о чем – он не знал, а сама она ничего не говорила. Порой в ее глазах появлялась вполне отчетливая мысль, но она так и оставалась у нее внутри, не облекаясь в слова. Стивену очень хотелось узнать, каков тот мир, что скрывается за ее выпуклым лбом и почему он порой кажется ей более привлекательным, чем мир этот, где они были вместе. Это желание понять, какова его роль в этом ее мире и насколько она значительна (или, наоборот, ничтожна), было для него внове. Встречаясь с другими девушками, Стивен никогда особенно не задумывался о том, что он для них значит, но с Элли все было иначе. Ах если бы только он мог завладеть ее вниманием полностью, без остатка!

– О чем ты думаешь? – спросил наконец Стивен.

– Мне почему-то вспомнилось одно стихотворение Сильвии Плат.

– И какое же?

– Оно называется «Любовная песня безумной девушки».

Вот и ответ, подумал Стивен. Ее голова наполнена стихами поэтессы, которая покончила с собой больше полувека назад. Что ж, с такой соперницей он вполне в состоянии мириться достаточно долго. В знак признательности он чуть сильнее сжал ее пальцы, и Элли улыбнулась в ответ, но порыв холодного ветра тут же унес ее улыбку в белесую мглу между деревьями.

– Почему-то мне казалось, что ты должна больше любить Эмили Дикинсон с ее готическим романтизмом...

– Эмили – гениальная поэтесса, и я действительно ее очень люблю, но... Сильвия Плат кажется мне ближе. Она обращается ко мне на более глубоком личном уровне.

И Элли снова погрузилась в собственные мысли, но то, что она только что сказала, напомнило Стивену, что, несмотря на их тесную душевную связь, ни он, ни она ничего не знают о прошлом друг друга.

Другое дело – те шесть месяцев, которые они провели вместе. Он отлично их помнит, помнит почти каждый день и каждую минуту.

– Если не ошибаюсь, когда мы с тобой впервые встретились, ты как раз читала Сильвию Плат...

Появление Элли в его жизни сопровождалось буйством стихий, словно она была богиней или мифическим существом. В тот день Стивен сидел в своем любимом кафе и, не обращая внимания на черные тучи и раскаты грома за окном, просматривал стопку студенческих работ, которые ему предстояло оценить. Как и всегда, больше других его огорчила работа Стюарта Уинтропа. Он как раз подумал, что, если бы не состояние родителей, парень давно бы вылетел из университета, когда дверь кафе отворилась и жестяная дробь дождевых капель на мгновение стала громче.

Она вошла, промокшая до нитки, и, не обращая внимания на сбегаящие с одежды потоки воды, обвела взглядом зал то ли в поисках знакомого лица, то ли просто свободного столика. Пока она нерешительно мешкала на пороге, Стивен успел оценить и ее просвечивающие сквозь намокшее платье груди, и стройные ноги, облепленные прилипшим к ним подолом, и даже темную родинку – точнее, призрак родинки, – которая темнела сквозь ткань чуть ниже ключицы. Помнится, Стивен даже подумал, какова эта родинка на ощупь – гладкая или, наоборот, приподнятая.

Свободных столиков в кафе не было, а остальным посетителям, занятым собственными важными беседами, было наплевать на промокшую девушку, которая по-прежнему стояла на пороге кафе, откровенно сексуальная и в то же время хрупкая и ранимая. Подобный коктейль неизменно действовал на него неотразимо, поэтому Стивен поднялся со свое-

го места и, выдвинув из-под стола свободный стул, жестом пригласил незнакомку сесть. Еще раз окинув взглядом зал, девушка досадливо скривила губы и только потом решилась принять приглашение незнакомого мужчины. Она уже сидела за столом, когда официантка принесла ей полотенце, чтобы вытереть лицо. Девушка взяла его обеими руками и тут же уронила на пол насквозь промокший томик стихов Сильвии Плат.

Стивен быстрым движением сдвинул свои бумаги на угол стола.

– Извините, я, кажется, намочила ваши документы, – сказала девушка, и ее бледные щеки окрасились в очаровательный нежно-розовый цвет. Подняв руки, она продолжала промокать полотенцем волосы, словно не замечая, какое впечатление производит на Стивена ее ставшее почти прозрачным от воды платье.

– Ничего страшного, – сказал он и улыбнулся.

– А что это у вас? – спросила она, кивая в сторону стопки бумаг.

– Студенческие работы. Я – профессор литературы.

– О-о!.. Я тоже учусь – пытаюсь получить степень магистра сравнительного литературоведения⁷ в Университете Нью-Йорка.

⁷ Сравнительное литературоведение – раздел истории литературы, изучающий международные литературные связи и отношения, сходство и различия между литературно-художественными явлениями в разных странах.

Потом они немного поговорили о Сильвии Плат и о своей общей любви к книгам. Она внимательно слушала все, что он говорил, то складывая, то снова разворачивая бумажную салфетку. Стивену она казалась робкой, застенчивой и немного отстраненной, и это его буквально пьянило. Ее реплики были уклончивыми и в то же время исполненными интереса, и эта смесь заставила его кровь быстрее побежать по жилам.

Он понял, что должен непременно увидаться с ней снова. Увидеться и сделать ее своей.

Сейчас Элли смотрела на него с той же сдержанной серьезностью, как в тот день в кафе. Иногда Стивен даже думал, что она каким-то образом его околдовала, и это его немного пугало, однако вожделение каждый раз оказывалось сильнее страха. Поддавшись внезапному порыву, он резко остановился и, обняв, прижал к себе, чтобы поцеловать. Ее щеки и нос показались ему ледяными, но губы, до которых он в конце концов добрался, сдвинув несколько витков шарфа, были, как всегда, горячими и мягкими.

– Я помню, однажды ты сказала, что ненавидишь свое имя, – проговорил он, разжав объятия.

– Ненавижу. Ну и что?

– По-моему, Элли – нормальное имя.

Она пожала плечами.

– Это имя больше подходит маленькой девочке лет деся-

ти-двенадцати, ты не находишь? – На этот раз уже она обвиняла руками его шею.

– Даже не знаю... Мне, во всяком случае, оно нравится.

– Что ж, уже хорошо, что оно нравится хотя бы одному из нас. Кстати, ты однажды тоже сказал, что твое имя тебе не нравится.

– Неужели ты помнишь?..

– Я помню о тебе все. – Элли засмеялась. – Но ты тогда не объяснил – почему. Что плохого в том, чтобы называться Стивеном?

Он покачал головой. Стивен терпеть не мог не свое имя как таковое, а то, что оно воплощало. Стивен было похоже на имя его отца, Стюарта, настолько похоже, что их легко можно было перепутать. Кроме того, оно напоминало ему о том, что он, по-видимому, был недостаточно хорош, чтобы удостоиться титула Стюарта Хардинга-младшего. Отец, во всяком случае, не упускал возможности напомнить сыну о том, что ему никогда с ним не сравняться и что он всегда будет лишь его бледным подобием. Так было, например, на традиционном летнем барбекю, которое родители Стивена устраивали каждый год. В тот год он как раз поступил на первый курс, и мать с гордостью сообщила гостям, что ее сын получил за отборочный тест⁸ одну тысячу четыреста восемь-

⁸ Отборочный тест – стандартизованный тест, проводимый Советом колледжей. Предлагается абитуриентам и студентам при поступлении или переводе в американский колледж или университет.

десять четыре балла. «Действительно неплохо, но все же на пятьдесят баллов меньше, чем было в свое время у его отца, – пошутил тогда Стюарт, пожалуй чересчур сильно сжимая плечо Стивена. – Но мы все равно им гордимся», – добавил он и похлопал сына по спине. Это был комплимент, но Стивену он показался горьким, как милостыня, как подачка. А к концу барбекю испытанное им унижение превратилось в острую боль, когда он заметил, что отец уединился в беседке с его девушкой. Сосредоточенно подавшись вперед, Стюарт Хардинг что-то ей говорил, поигрывая надетым на мизинец перстнем с печаткой, а девушка улыбалась и смотрела на него с обожанием.

С тех пор прошло почти двадцать лет, но боль от обиды до сих пор не притупилась.

– Ты права. Стивен звучит гораздо лучше, чем Элли. – Он самодовольно усмехнулся.

– Могло быть и хуже.

– Как так?

– Ты мог бы прозываться Стюартом-младшим.

Стивен снова поцеловал ее, прерывая разговор, который принимал неприятный оборот и мог завести неизвестно куда. Зато поцелуй вышел что надо. Это был один из тех поцелуев, которые делятся и делятся, укрепляя связь между людьми. Которые открывают новые горизонты. Танец сцепившихся языков, костяное постукивание зубов... Хотя и без слов, ее рот красноречиво говорил ему о том, как силь-

но он ей нравится и как крепко она его любит или почти любит. Они еще никогда не произносили этого слова вслух, но каждое их прикосновение друг к другу недвусмысленно свидетельствовало о том, что за их взаимным желанием стоит нечто большее, чем просто секс.

Но сейчас Стивен вдруг подумал, что, помимо всего прочего, их поцелуй только подчеркивает, как далеко от людей, от цивилизации они находятся. В этом замерзшем, занесенном снегом Эдеме были только они двое: Адам и Ева, он и женщина, которая, похоже, была создана для него одного.

19 октября

Сегодня я в первый раз увидела тебя после того, как все изменилось. Увидела и почувствовала, как мое сердце затрепыхалось в груди как напуганная птичка в слишком тесной клетке. Я боялась, что ты даже не взглянешь на меня, сделаешь вид, будто прошедшие выходные не имеют никакого значения. Я боялась, ты будешь вести себя так, словно ничего не было. Но я ошиблась. Пока остальные склонялись над столами, я подняла голову и наткнулась на твой взгляд. Ты ждал меня. Твои глаза ждали... И когда ты улыбнулся мне, твое лицо озарилось радостью.

Для меня этого было достаточно.

Элли

Сухая ветка ломается с громким сухим щелчком, и в небо вспархивает стая испугнутых птиц.

– Черт, что это?! – вскрикиваю я, прерывая поцелуй, и прислушиваюсь к торопливому хлопанию множества крыл, разбивающих тишину леса. В самом деле – что?..

– Наверное, олень или лиса. Кто знает? – Он по-прежнему прижимается лицом к моей шее, не замечая, как напряглось мое тело. Высвободившись из его объятий, я всматриваюсь в провалы между деревьями, пытаюсь обнаружить источник звука, но вижу только черные стволы и кривые черные ветки, слишком похожие на декорации из фильма ужасов, в котором первой съедают наивную студентку, отправившуюся в лес на свидание со своим парнем. Небо над нами по-прежнему матово-белое, а свет такой рассеянный, что ничто не имеет теней.

Даже мы.

– У меня от этого леса мурашки по коже бегают. – Я вздрагиваю.

– Ты сама настояла, чтобы пойти сюда, а не на берег.

Тем временем в лесу становится темнее, словно деревья

незаметно для глаза придвигаются ближе, смыкаясь вокруг нас. В их голых вершинах шумит ветер, но у земли по-прежнему спокойно. Краем глаза я замечаю движение. Что-то мелькнуло и пропало между стволами слева от нас, но все произошло так быстро, что я опять не успела ничего разглядеть. Только кривые ветки кустов и деревьев удлиняются и корчатся, как живые, а весь лес начинает кружиться вокруг меня. Со всех сторон я вижу только черную, потрескавшуюся от морозов кору, и мне становится жутко. Вцепившись пальцами в рукав Стивена, я закрываю глаза, но ощущение, что за нами наблюдают, становится только сильнее.

Я делаю несколько глубоких вдохов. Стук моего сердца становится чуть тише, и я открываю глаза.

— По правде говоря, профессор, я думала, что чем безлюднее, тем романтичнее, — говорю я с вымученной улыбкой, и он снова заключает меня в объятия. Мы еще раз целуемся, но я чувствую: что-то изменилось. Мои губы прижимаются к его губам, но думаю я о том, с кем или с чем мы можем столкнуться в лесу. Хорошо, если просто с соседом, который отправился на прогулку, но если *не* с соседом... Чей это силуэт промелькнул только что за ближайшим деревом?.. Ветер усиливается, он наконец-то добирается до нас, обжигает морозом мои щеки и раздувает волосы, пытаюсь добраться до горла.

— У меня такое чувство, будто за нами кто-то следит, — говорю я, мягко, но решительно отстраняя его руки. Холодный

воздух наполняет мою грудь, пока я еще раз оглядываю ряды деревьев в поисках спрятавшегося чужака, но вижу только несколько осин, отдаленно похожих на человека, а единственные глаза, которые смотрят на нас, это «глазки» на их серо-зеленой коре.

– Ерунда, – небрежно говорит он. – Здесь никого нет.

Но я вспоминаю вчерашний вечер, когда я заметила на опушке какую-то тень. Я и сейчас словно наяву вижу, как быстро она двигалась, и моя уверенность, что она может скрываться где-то поблизости, с каждой минутой становится все сильнее. Ветер тем временем набирает силу, лес глухо шумит, и меня пробирает дрожь. Мне кажется, я снова слышу тот сухой треск, который один раз меня уже напугал, но это просто ветки, качаясь, стучат друг о друга.

Или *не* ветки?..

– Пойдем лучше на берег, ладно?..

– Трусишка. – Стивен снисходительно улыбается. Так взрослые улыбаются ребенку, который капризничает, настаивая на какой-то безобидной глупости. Прижавшись к нему, я кладу ладони на его затянутую в гортекс⁹ грудь и улыбаюсь как можно храбрее.

– Мне просто хочется побыть на открытом пространстве.

Он кивает, и мы бредем обратно, продираясь сквозь скрюченные ветки кустов, которые яростно цепляются за нашу

⁹ Гортекс – мембранная ткань, применяется для изготовления специальной одежды и обуви.

одежду. Время от времени я опасливо поглядываю на темные провалы между деревьями, но там ничего нет. И все же я вздыхаю с облегчением, когда мы выходим из леса и оказываемся на узкой полоске засыпанного снегом песчаного пляжа. Океан, тусклый и серый, тянется до самого горизонта, словно жидкий гранит с редкими вкраплениями плавучих льдин. Здесь намного холоднее, чем в лесу, но я этого не замечаю, радуясь простору и свету.

Некоторое время мы шагаем вдоль самой кромки берега, где прибой лижет подтаявший снег, обнажая мокрый песок. Вдали над горизонтом собираются пузатые кучевые облака. Ветер треплет мои волосы, пряди которых больно хлещут меня по лицу. От холода и резкого запаха йода на глазах выступают слезы, они стекают по щекам, собираются в уголках губ, и я промокаю их перчаткой.

– Что-нибудь не так? – спрашивает Стивен.

– Нет, все в порядке.

– Что-то не верится.

– Это место... оно... оно напоминает мне одного человека. – Я снова тру перчаткой глаза. – Чертов ветер!

Стивен поднимает руку и большим пальцем вытирает сбегавшую по моей щеке слезинку. На его губах появляется ласковая улыбка, которая на секунду отвлекает меня.

– А почему ты такая грустная?

– Потому что мы расстались. Это было давно.

– Расстались? Почему?

– Честно говоря, мне бы не хотелось... Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Он снова поворачивается ко мне, чтобы убрать с моего лица прилипшую к мокрой щеке прядь волос. Рука у него такая горячая, что буквально обжигает.

– Ну разумеется!.. Давай поговорим о другом. – Он крепко обнимает меня. Я прижимаюсь к его груди и слышу, как стучит его сердце. – А о чем?..

Я сглатываю.

– Ну-у... Расскажи мне, что у тебя новенького...

Мы идем вдоль берега дальше, и Стивен рассказывает мне о своей последней статье «Литература XIX и XX веков: зарождение и становление модерна». Ритм его слов, накладываясь на мерный шум прибоя, успокаивает. Я начинаю забывать о своих страхах, и тут мы набредаем на затянутую льдом лужу, в которую вмерзла сизая чайка. Она еще жива, хотя одно крыло и половина тела скрыты под ледяной коркой. Чайка хрипло кричит и бьется в ледяном плену, хлещет по поверхности лужи свободным крылом, но холод и голод уже сделали свое дело. Птица слабеет на глазах, ее глаза мутнеют, крики стихают, а крыло, бессильно трепеща, расплывается на льду.

– Вот бедняжка! Надо же было так попасться! – Опустившись на корточки, я осторожно протягиваю к чайке руку. Испуганная птица пытается меня клюнуть, и я отдергиваю пальцы.

Стивен присаживается рядом со мной и, сняв перчатки, гладит чайку по голове тыльной стороной ладони.

– Кажется, у нее сломано крыло.

– Мы что-нибудь можем сделать?

Убрав перчатки в карман, Стивен осматривает птицу, а я оглядываюсь по сторонам в поисках подходящего камня, которым можно было бы разбить лед. Его пальцы медленно скользят по голове, по шее чайки, и в конце концов она успокаивается, смирившись с его близостью и его прикосновениями. Несмотря на то что сидеть на корточках очень неудобно, я все же улыбаюсь. Я уже представляю, как мы освободим чайку из ледяного плена, завернем в шарф Стивена, отнесем домой, забинтуем раненое крыло и положим ее на ковре возле камина. Я все еще ищу подходящий камень, когда его ладонь ложится чайке на затылок.

– Все в порядке, все будет хорошо... – успокоительно шепчет он и, повернувшись ко мне, добавляет громче и резче: – Иди вперед, я тебя догоню.

Его слова звучат как приказ, и я повинуюсь. Я успеваю сделать всего пару шагов, когда за моей спиной раздается короткий сухой щелчок.

3 ноября

Помнишь, как ты разрешил мне называть себя по имени? Исчезло формальное «мистер», и твое имя перекатывается у меня на языке точно леденец. Я исследую его вкус, форму, текстуру. Уходя, я снова и снова повторяла его про себя, с нетерпением предвкушая следующий четверг, когда я снова смогу произнести его вслух.

Кроме своего имени ты сделал мне еще один подарок. «Я для тебя кое-что приготовил, – сказал ты, и твоя рука, скользнув в сумку, вернулась с книгой. – Мне кажется, она должна тебе понравиться. А когда ты ее прочитаешь, мы можем ее обсудить».

Я провела кончиками пальцев по вытисненному большими белыми буквами названию: «Джейн Эйр».

Я начала читать твою книгу, как только вернулась домой. Она понравилась мне с первых же строк. Ты знал, что мне подарить – похоже, ты изучил меня достаточно хорошо. А кроме всего прочего, книга была материальным свидетельством того, что ты обо мне думал, вспоминал меня, даже когда меня не было рядом.

Сегодня мы вместе стояли в душе. Воздух в кабинке был таким густым и влажным, что нам приходилось дышать через рот.

Сегодня ты дал мне новое имя.

Сегодня ты назвал меня «моя милая Джейн».

Элли

Начавшаяся вскоре легкая метель быстро превращается в настоящий снежный буран. Пронзительный ветер швыряет нам в лица огромные хлопья снега, и мы поворачиваем к дому. Сырой холод пробирается под одежду, снег забивается за воротник и тает, превращаясь в струйки ледяной воды. Наохлившись, как большие замерзшие птицы, мы бредем по пляжу, стараясь держаться поближе друг к другу. Ноги увязают в снегу, а холод пробирает до костей, недвусмысленно напоминая о том, что любой зимний пейзаж, который так красиво выглядит на картинке, на самом деле ширма, за которой скрывается суровая стихия, которая вполне может убить, если мы будем небрежны или чересчур самонадеянны.

Самая смертоносная из опасностей та, которая имеет вид красоты.

Снег размывает мир вокруг, превращая и море, и берег в один молочно-серый вихрь. Но вот на фоне однообразного штормового задника появляется какой-то темный силуэт, который имеет правильные геометрические очертания.

Это дом. Молчаливый и пустой, он ждет... Образцовый

хозяин, который готов дать вам все, что только захочется: тепло очага, комнату для бесед, место в шкафу, чтобы повесить промокшую одежду. Он становится тем, что необходимо гостю: убежищем, укрытием, временным жильем... но только до тех пор, пока они не уезжают. Тогда дом засыпает и, тихий и пустой, терпеливо ожидает новых гостей.

И, разумеется, дом хранит все секреты, все тайны тех, кто когда-либо провел ночь под его крышей.

Кухонная дверь была ближе, поэтому парадным входом мы пренебрегли. Наконец-то мы дома!.. Вместе с нами в кухню врывается снежный вихрь, но как только дверь за нами закрылась, он стихает и ложится на пол россыпью сверкающих снежинок. Стряхнув с ботинок и воротников налипший снег, я снимаю куртку и оглядываюсь по сторонам, прикидывая, на какой стул ее бросить. Стивен, однако, не спешит раздеваться.

– Пожалуй, лучше загнать машину в гараж, пока ее окончательно не занесло, – говорит он.

– Хорошо. А я пока приготовлю кофе. Кстати, Стивен...

– Что?

– Захвати из гаража несколько поленьев, а я растоплю камин в гостиной.

– Ладно.

– Спасибо.

Он снова выходит на улицу, плотно закрыв за собой дверь, которая отгораживает меня от холода и завываний ветра сна-

ружи. Привстав на цыпочки, я тянусь за кофейными кружками на верхней полке буфета. Одну я достаю сразу, но вторая стоит слишком глубоко, и я лишь касаюсь ее гладкой ручки кончиками пальцев. Я тянусь изо всех сил, сжимаю ручку и начинаю осторожно подтаскивать кружку к себе. Я уже почти схватила ее, когда по всему дому разносится громкий, протяжный вой. Кружка выскальзывает из моих дрогнувших пальцев, падает набок и откатывается куда-то в сторону.

– Черт!

Я непроизвольно морщусь, ожидая, что кружка вот-вот свалится на пол и разобьется вдребезги. И... что это за звук? Мне показалось, он донесся откуда-то из глубины дома и стих так же внезапно, как возник. Насторожив все пять чувств – или их все-таки шесть? – я напряженно прислушиваюсь, принохиваюсь, всматриваюсь в тишину, но она остается такой же глухой и непроницаемой, как раньше. Ни звука, и только сердце глухо стучит у меня в груди – стучит так часто, что мне снова становится страшно. Только сердечного приступа мне не хватало!.. Только не сейчас.

И я начинаю считать от сотни до нуля:

– Девяносто девять... девяносто восемь... девяносто семь...

Называя каждую цифру, я делаю глубокий вдох, а во время паузы медленно выдыхаю. Примерно на семидесяти пяти сердце начинает биться спокойнее. Кризис миновал, теперь можно оглядеться.

Опустившись на четвереньки, я собираю с пола осколки фарфора. (Когда кружка свалилась с буфета, я так и не заметила.) Нервный спазм, заставивший сократиться, свиться узлами мышцы шеи и спины, отпускает, и мне приходит в голову, что, если я буду действовать проворнее, мне удастся скрыть доказательства своей неловкости на дне мусорного ведра раньше, чем вернется Стивен. Я подбираю уже последние осколки, когда снова звучит этот страшный то ли вой, то ли вопль – хриплый, протяжный, исполненный муки. Наверное, так мог бы кричать человек, который сходит с ума. Напуганная этим воплем, я машинально сжимаю кулак и чувствую, как острый осколок впивается в мой указательный палец.

– Ай!..

На пальце набухает куполком рубиновая капля. Я поскорее сую палец в рот, чтобы она не скатилась на пол и не испачкала плитку. Протяжный вой стих, и в кухне снова воцаряется тишина – воцаряется до тех пор, пока сквозь открытую дверь за моей спиной не врываются внутрь свист и стон ветра, за которыми следует облако морозного воздуха, наполненное редкими колючими снежинками.

Я оборачиваюсь и вижу, как в кухню входит Стивен. Снег лежит у него на голове и на плечах, даже на ресницах поблескивают ледяные кристаллики. Обеими руками он прижимает к себе охапку поленьев.

– Что случилось?! – Выронив дрова, Стивен бросается ко

мне.

– Ничего страшного, просто я разбила кружку. – Не вынимая пальца изо рта, я опускаюсь на корточки, чтобы подобрать последние осколки. Мне очень не хотелось признаться в своей неловкости, но теперь уже ничего не поделаешь.

– Эл-ли-и... – Стивен произносит мое имя нараспев, отчего мне начинает казаться, будто мне и впрямь лет десять или около того. Опустившись на корточки рядом со мной, он принимается мне помогать и почти сразу подбирает крупный осколок, испачканный красным. – У тебя кровь идет! Ты порезалась?

– А-а, ерунда!

Взяв меня за руку, он подносит ее к глазам и внимательно смотрит, потом сует мой палец в рот и начинает слегка посасывать. Мы оба по-прежнему сидим на полу и со стороны выглядим, должно быть, довольно странно, но меня это не смущает. Во-первых, нас никто не видит, а во-вторых, в эти секунды между нами возникает атмосфера такой глубокой близости, какой мы не испытывали, даже когда лежали в одной постели. Мне так приятно ощущать, как пульсирует у него во рту мой порезанный палец, что хочется *прыгнуть* на него, поцеловать, почувствовать вкус собственной крови у него на языке. Но, прежде чем я успеваю пошевелиться, в воздухе раздается еще один нечеловеческий вопль. Я вздрагиваю, отдергиваю палец и едва не теряю равновесие.

– Что это было?!

– Это просто ветер. Ветер в каминной трубе, – смеется Стивен.

Я чувствую, как горит от смущения мое лицо. Не в силах выдерживать его взгляд, я хватаю осколки и несу к мусорному ведру. Ах если бы я только могла запихнуть в него и себя! Стивен, плечи которого все еще вздрагивают от смеха, собирает с пола разбросанные поленья. Ситуация кажется мне еще хуже, чем вчера, когда я поскользнулась и едва не грохнулась на снег у него на глазах. К счастью, Стивен с дровами уже выходит из кухни, и я перевожу дух.

Когда я появляюсь в гостиной, в камине уже потрескивает только что разожженный огонь. При дневном свете комната выглядит совершенно потрясающе! Высокие – от пола до потолка – окна тянутся вдоль всей ее длинной стены. Чисто вымытые стекла почти не видны, и кажется – стоит сделать шаг, и ты окажешься на снегу среди деревьев, которые стоят почти вплотную к дому. Чуть дальше их частокол обрывается, открывая изумительную панораму зимнего океана. От этой картины буквально захватывает дух, хотя и океан, и небольшой причал на берегу буквально на глазах исчезают в молочно-белой пелене несущихся почти параллельно земле снежинок. Но снег и ветер меня больше не пугают. Дом не только защищает нас от непогоды, но и дает отличную возможность наблюдать за буйством стихии, самим оставаясь в безопасности.

– Выглядит довольно внушительно, не так ли? – говорит Стивен, кивком показывая на ряды деревьев.

– Внушительно? Я бы сказала – угнетающе... – Я протягиваю Стивену кофе и, подобрав под себя ноги, устраиваюсь рядом с ним на диванчике перед камином. Камин в гостиной – настоящее архитектурное сооружение; он грандиозен и монументален, так что называть его просто камином у меня не поворачивается язык. Какого-то особого слова я подобрать для него не могу, поэтому – по аналогии с Гранд-Каньоном – я решаю про себя называть его гран-камином. Сложен он из массивных, грубо обтесанных каменных глыб и занимает почти всю торцевую стену.

Некоторое время мы сидим, глядя на огонь, потом Стивен спрашивает:

– Чем бы ты хотела заняться завтра?

– Даже не знаю... Я... Я все время думаю про ту бедную чайку...

– Поверь, мы все равно ничего не могли для нее сделать, так что... Лучше забудь. Выбрось из головы. – Он улыбается мне, потом отпивает маленький глоток кофе.

– А чем бы хотел заняться *ты*?

– Можно было бы проехаться в Стоктон, пройти по антикварным и букинистическим лавчонкам, пообедать в ресторане на берегу. Как тебе такой план?

– Отличный план. – Я тоже улыбаюсь. – Если только снег нас выпустит.

– Надеюсь, этот снегопад ненадолго, – говорит он, охлопывая свободной рукой карманы джинсов. – Слушай, ты не видела мой телефон?

– Наверное, ты, как всегда, оставил его в кармане куртки.

– Как всегда?..

– Каждый раз, когда ты спрашиваешь, не видела ли я твой телефон, он оказывается в кармане твоей куртки или пиджака. Хочешь, я схожу посмотрю?..

Я встаю, но он хватает меня за руку и усаживает обратно на диван.

– Да нет, не надо. Все равно сейчас он мне не нужен. Посиди со мной, ладно?

– Ладно.

В комнате снова наступает тишина – плотная, как падающий снаружи снег. Некоторое время мы сосредоточенно дуем на горячий кофе. Лес и побережье за окном окончательно скрываются за сплошной белой пеленой.

– Ты действительно так думаешь? – спрашиваю я, прислонившись виском к его плечу.

– О чем?

– Ну, насчет этой чайки. Что правильнее всего было...

Он обнимает меня за плечи и целует в волосы. Это его единственный ответ.

Нагревшаяся кружка жжет мне пальцы. Каждый глоток кофе – горячего и крепкого – стекает по пищеводу точно вулканическая лава, и я чувствую, как мои щеки снова начинают

гореть. Тугой узел в подвздошье рассосался, и я расслабленно откидываюсь назад, навалившись всей тяжестью на плечо Стивена. Нет, не время спать... Потом. Потом будет много времени и для сна, и для отдыха, и для всего остального.

С сожалением расставшись с удобным диваном, я некоторое время брожу по комнате, пока в конце концов не останавливаюсь перед стереосистемой, рядом с которой на стеллаже-вертушке хранится целая коллекция компакт-дисков. Мой указательный палец скользит по пластиковым коробочкам, по названиям альбомов и именам исполнителей. Я не оборачиваюсь, но чувствую, что Стивен наблюдает за мной. Наконец одно имя привлекает мое внимание. Я достаю диск, вынимаю из коробки и вставляю в систему.

Через секунду из невидимых колонок доносятся первые гитарные аккорды. Я прибавляю громкость, и угрюмый голос Криса Айзека заполняет собой всю комнату. Уголки моих губ сами собой приподнимаются в улыбке. Не обращая внимания на Стивена, я возвращаюсь к камину и, прижав к груди кружку с остатками кофе, закрываю глаза. Огонь согревает мне спину. Мои бедра начинают покачиваться, превращая музыку в серию плавных движений, тело и кожа впитывают чувственный ритм, пока он не становится моим настроением. В гостиной темнеет, но даже не открывая глаз я по-прежнему ощущаю на себе взгляд Стивена. Отвернувшись от дивана, я танцую с огнем, который бросает оранжевые отсветы на мои ноги и согревает своим теплом.

Потом я улавливаю какое-то движение. Крис Айзек как раз рассказывает о грешных играх, когда ладони Стивена ложатся на мои плавно колышущиеся бедра, а тело прижимается к спине. Вот он разворачивает меня к себе лицом, берет из рук кружку... Я по-прежнему не открываю глаза и не вижу его лица, но я знаю, о чем он думает. Мы разговариваем друг с другом без слов – нам хватает лишь звука нашего учащенного дыхания. Я танцую, а Стивен медленно раздевает меня, и огонь камина ласкает своим теплом мою обнаженную кожу. Вот его пальцы протискиваются под пояс моих джинсов. Легко выскальзывает из петли пуговица, с негромким жужжанием расходится молния, джинсы падают на пол, и Стивен помогает мне не запутаться в них ногами. Потом соскальзывают вниз трусики.

Когда звучат первые аккорды «Ты задолжала мне любовь», я уже полностью обнажена, и Стивен, все еще полностью одетый, крепко прижимает меня к себе. Впрочем, он тоже возбуждился – я чувствую это внутренней поверхностью бедра. В одно мгновение мои глаза распахиваются, но сейчас мой мир заполнен только им одним, и я обхватываю его руками за шею и, сплетя пальцы, заставляю наклониться, пока наши губы не соприкасаются. Я целую Стивена с убежденностью, которая на время делает меня лидером нашего тандема. Мои губы и язык задают ритм, но Стивен быстро перехватывает инициативу.

В камине с треском обрушивается прогоревшее полено, и

сноп горячих искр с воем устремляется в дымоход. На мгновение мы замираем, потом он увлекает меня на пол. Несмотря на ковер, я довольно чувствительно ударяюсь плечом о паркет – наверняка останется синяк. В глазах Стивена мелькает тревога, но я привлекаю его к себе для еще одного поцелуя.

Его рука ласкает меня, гладит мою кожу. Это та же рука, которая пару часов назад свернула голову живой чайке. Стивен быстро сбрасывает одежду, но я еще не готова. Воспользовавшись тем, что он занялся пуговицами на рубашке, я пытаюсь выбраться из-под него, сбросить с себя его вес. Стивен удерживает меня, но я снова и снова отталкиваю его руки, добиваясь, чтобы его желание стало сильнее. Я вижу, как оно нарастает, и в конце концов он не выдерживает. Его тело снова обрушивается на меня, прижимая к коврику, пальцы впиваются в запястья моих поднятых над головой рук. Я еще борюсь, но его хватка становится крепче. Бесполезно. Он очень силен, и я ничего не могу сделать – буквально ничего. Стивен стискивает меня в медвежьих объятиях, и я слышу – или мне кажется, что я слышу, – как трещат мои ребра. Некоторое время я терплю, но потом сдаюсь. Почувствовав, что сопротивление сломлено, Стивен обрушивается на меня всю мощь своего жестокого поцелуя. Он – победитель, и я его законная добыча. Его вес буквально расплющивает меня в блин. Стивен ждет, пока я сама раскроюсь ему навстречу, но я продолжаю держать колени сомкнутыми.

– Покажи мне, как сильно ты меня хочешь... – шепчу я ему.

В ответ он пытается твердым как камень коленом раздвинуть мне ноги. Я не уступаю, и Стивен нажимает сильнее.

– Давай же!..

Желание обладать мною горит в его глазах и кривит его губы, и я прекращаю сопротивление. Одной рукой Стивен направляет себя внутрь меня и снова перехватывает мои запястья. Его пальцы судорожно сжимаются. Он вот-вот получит то, что хочет. Меня. И я поощряю его короткими, отрывистыми фразами, произнесенными хриплым шепотом:

– Ну давай же!.. Давай!

Освещенные оранжевыми отблесками огня из камина, мы движемся ритмично и быстро. Огромные окна не зашторены и не загорожены жалюзи, но увидеть нас могут разве что дикие звери.

Или вообще никто.

Стивен

Стивен сидел на полу, опираясь на диван спиной. Голова Элли покоилась у него на груди. В комнате было тепло, но они все равно укрылись взятым с дивана декоративным пледом, потому что были по-прежнему полностью обнажены. Толстая шерстяная ткань слегка покусывала кожу, и Стивен подумал, как непрактично кутаться во что-то такое, чем можно пользоваться, только когда ты одет. Дрова в камине почти прогорели, и тускло-багровый отсвет тлеющих углей разгонял темноту лишь на крошечном пятачке перед самой топкой, тогда как по углам гостиной тени сгустились еще сильнее, сделавшись черными и непроницаемыми.

Ранний и темный зимний вечер незаметно подкрался, пока они упивались своими следовавшими один за другим оргазмами. И без того слабый дневной свет померк, и деревья за окнами сомкнулись еще теснее, превратившись в сплошную черную стену. Стивен сосем забыл, какими короткими бывают дни в январе. В городе почти не бывает настоящей ночи, темноту сдерживает оранжевый свет уличных фонарей и бесчисленных окон, но здесь, где природа оставалась первобытной и дикой, а человек был незваным гостем, которого

только терпят, ночной мрак был по-настоящему непроницаемым и густым. Он будет царствовать над землей до тех пор, пока над горизонтом снова не покажется солнце, но до рассвета еще очень долго – несколько часов, которые им с Элли придется провести в мрачном логове тьмы.

– Кажется, усиливается...

– Что именно? – спросил Стивен, поглаживая кончиками пальцев ее кожу возле локтя.

– Снег. Снаружи снова идет снег.

Стивен бросил еще один взгляд на окно. За темным стеклом кружились в вихре мохнатые снежные хлопья, несомые свирепым ветром. Глядя на их белые штрихи на черном холсте ночи, Стивен подумал, что природа научилась неплохо копировать манеру Джексона Поллока¹⁰.

Единственным звуком, проникавшим сквозь тройные стеклопакеты, был приглушенный грохот обрушивающихся на берег волн.

– Похоже, наша поездка в Стоктон накрылась.

– Ну и что? Я знаю не менее интересный способ скоротать время. – Его дыхание коснулось ее уха – теплое, словно обещание.

– Но мне действительно хотелось там побывать!

– Ехать куда-то в такую погоду было бы крайне неразум-

¹⁰ Пол Джексон Поллок – американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма. Прославился своей техникой наливания или разбрызгивания жидкой бытовой краски на горизонтальную поверхность.

но...

Элли открыла рот, собираясь что-то возразить, и он быстро добавил:

— ...А поскольку в этой поездке водителем назначили меня, за мной последнее слово. — И он игриво постучал пальцем по кончику ее носа, положив, таким образом, конец дискуссии.

— Наверное, ты прав... — Элли вздохнула, поудобнее устроиваясь у него на плече. От нее исходило ощутимое тепло, а гладкие щеки все еще были розовыми после нескольких пережитых оргазмов. Стивен обнял ее за плечи и погладил большим пальцем выступающую ключичную косточку.

— Значит, остаемся только ты и я, и еще этот дом, — добавила она.

Он кивнул.

— Это удивительное место. Кстати, как ты его нашла?

— Мне посоветовал его один приятель.

— Какой еще приятель?

— Мой бывший одноклассник. Этот дом когда-то снимали друзья его родителей. Каждый раз, когда мы встречаемся, он начинает рассказывать мне, какое это замечательное место.

Стивен насторожился. До сегодняшнего дня Элли еще ни разу не упоминала ни о каких приятелях-мужчинах. Зная ее добросердечную натуру, Стивен предположил, что это был вовсе не бывший одноклассник, а какой-нибудь приставучий ухажер с курса, которого Элли по доброте сердечной не ре-

шалась отшить. Сам он давно заметил, что мужчин притягивает к ней точно магнитом. Они постоянно роились вокруг нее, и Стивен не раз замечал их плотоядные ухмылки. Казалось, все эти парни просто не способны пройти мимо нее – ни дать ни взять сорóки, которые любят хватать все красивое и блестящее. Взять хотя бы того ублюдка на открытии галереи «У Саши»... Впрочем, он был всего лишь последним и самым ярким примером среди себе подобных. Он тогда слишком много выпил, и Элли надулась и ушла. Ожидая, пока бармен нальет ему еще порцию, Стивен размышлял, стоит или не стоит ему пойти за ней и извиниться, как вдруг мимо него на всех парах промчался этот тип с небольшой бородкой и бросающейся в глаза золотисто-рыжей шевелюрой. Он видел, как парень выскочил сквозь стеклянную дверь на улицу и схватил Элли за локоть, а она остановилась, обернулась и что-то ему сказала... Этот тип явно посягал на то, что принадлежало ему, и Стивен напряг мускулы, готовясь вмешаться, но пять порций бурбона сделали его медлительным. Пока он соображал, как лучше действовать, незнакомец за стеклянной дверью что-то быстро и горячо говорил Элли. «Чертов марафетчик», – с презрением подумал Стивен, заметив, что рыжий постоянно трет нос тыльной стороной ладони. Что означает этот жест, он знал, хотя сам никогда кокаином не увлекался. То, что на Элли обратил внимание наркоман, ему очень не понравилось – мало ли что могло прийти в голову этому типу, который буквально пожирал

Элли взглядом. Такой взгляд был ему очень хорошо знаком – самые разные мужчины смотрели на нее именно так, пытаясь проникнуть взглядом сквозь одежду и поджигая губы, чтобы скрыть сжигающую их похоть, а некоторые даже слегка подавались вперед в надежде на случайное прикосновение.

Козлы! Все до одного!

Тем временем на лице Элли появилось недовольное выражение, а глаза гневно сверкнули. Эта картина наконец-то заставила Стивена сдвинуться с места. Не без труда протолкавшись сквозь толпу критиков, обозревателей и дилетантов-любителей, загораживавших дорогу к выходу из галереи, совершенно очумевший Стивен наконец-то вывалился из автоматических стеклянных дверей галереи и увидел, что незнакомец стоит на тротуаре один, а Элли нигде не видно.

К счастью, здесь, на берегу Чесапика, ни о каких посторонних мужчинах не могло быть и речи.

Его размышления прервал голос Элли:

– Хотела бы я знать, как долго человек сможет протянуть в такую погоду без нормальной одежды.

– А почему ты спрашиваешь? – удивился Стивен.

– Не знаю... Просто так.

Он улыбнулся.

– Мне иногда кажется, что ты слишком много беспокоишься о всякой ерунде. – Ее по-детски непосредственное замечание заставило его еще раз постучать ей по носу согнутым пальцем и удостоить еще одной покровительственной

улыбки.

– А вот *мне* кажется, что ты вообще мало о чем беспокоишься. Разве тебе не о чем жалеть? – спросила она после довольно продолжительного молчания.

– Абсолютно не о чем.

– Довольно-таки самонадеянное заявление.

– Все, что я до сих пор делал в жизни, так или иначе привело к тому, что сегодня я оказался здесь, с тобой. О чем же мне жалеть, скажи на милость?

Элли рассмеялась.

– Ты за словом в карман не лезешь!

В ответ он обнял ее чуть крепче, наслаждаясь тяжестью ее лежавшей у него на плече головы. Щека Элли, горячая и чуть влажная, прижималась к коже, и это было приятно. Стивен улыбнулся. Они здесь одни, и на мили вокруг больше никого нет. Снаружи бушует ветер, он швыряет в стекло пригоршни злых, скрипучих снежинок, нагромождает сугробы на крыльце и у задней двери и, кажется, не собирается ослабевать. Непогода разыгралась не на шутку, и вероятность того, что завтра они куда-то поедут, упала почти до нуля. Нет никаких сомнений – Элли полностью в его власти.

Элли

Все должно быть безупречно, хотя для обеда час довольно поздний. Мурлыканье вентилятора в духовке нарушает тишину в полутемной кухне, где я в одиночестве пытаюсь приготовить что-нибудь вкусное. За застекленной дверцей начинает пузыриться расплавившийся сыр, и я уменьшаю температуру. Следующие два выходных зависят от того, как пройдет сегодняшний вечер.

В последнее время взгляд Стивена стал другим. Еще недавно его глаза улыбались, туманились от желания. Они раздевали меня или всматривались в черты моего лица. Но сейчас их выражение постоянно меняется: узнавание сменяется озлоблением или, иногда, равнодушием. Порой, когда я обращаюсь к нему, его взгляд устремляется в пустоту за моей спиной. Что он там видит? Светлые волосы и малиново-алую куртку, промелькнувшие в зеркальце заднего вида, или что-то другое? Если я спрашиваю, что с ним такое, он отделяется однообразными расплывчато-уклончивыми фразами, которые ничего не объясняют и не проясняют. Кроме того, он стал раздражительным. Теперь Стивен с легкостью теряет то хваленое самообладание, которым он всегда так гордился.

Ну что ж, если все пойдет как планировалось, тонкое облегающее платье, которое я надела, должно пробудить его интерес.

Наконец еда готова, и я направляюсь в гостиную, но мое внимание привлекает глухой удар, донесшийся от парадной двери. Выйдя в прихожую, я открываю дверь и останавливаюсь на пороге – на границе между светом и тьмой, между уютным теплом и лютым холодом. Некоторое время я прислушиваюсь к тишине, в которую погрузился окружающий мир. Ни шагов, ничего... Снег лежит таким толстым слоем, что в нем тонут любые звуки.

– Эй, кто здесь? Алло?

Ничего. Только ветер свистит в ветвях.

Напрягая зрение, я всматриваюсь в частокол древесных стволов, а тени между ними смотрят на меня. Ни одна из них не движется. Я перевожу дух, и тут – чу! – со стороны гаража доносится какой-то шорох. Я смотрю туда, и мне мерещится, что темнота как-то странно клубится, меняет форму. Или это просто падающий снег играет со мной шутки?

Прежде чем я успеваю найти ответ на свой вопрос, очередной порыв ветра обхватывает мое тело ледяными щупальцами и, заставив меня вздрогнуть от холода, толкает назад в теплую прихожую.

В гостиной я раскладываю приборы рядом с тарелками, двигаю с места на место винные бокалы, пока они не занимают идеальное положение по отношению к остальной по-

суде. В центре стола матово поблескивает бутылка каберне-совиньон. Я беру в руки штопор, но потом откладываю его в сторону. Лучше поручить открывание бутылки Стивену, это мужская работа. Кроме того, ему нравится откупоривать бутылки и первым пробовать вино. Вместо этого я зажигаю свечи, расставленные по всей комнате. Жар огня плавит воск, и я макаю палец в маленькую маслянистую лужицу, образовавшуюся на верхушке одной из них. Воск несильно обжигает мне кожу, я отдергиваю палец, и воск застывает на нем матовой корочкой. Я снимаю ее ногтем и роняю обратно, где она растворяется в горячей лужице. Глядя, как под действием температуры исчезает без следа воск, я думаю о всем том снеге, который выпал снаружи. Тепло и холод – вот главные факторы, которые превращают воду в ледяные кристаллы или плавят твердый воск, превращая его в жидкость. Вода или воск остаются теми же самими, они лишь переходят в другое состояние.

На тележке для напитков поблескивают еще бутылки. Я потуже затягиваю пробку на бутылке с джином и гадаю, сколько Стивен выпьет сегодня. В последнее время изменилось не только то, как он смотрит на меня, но и количество алкоголя, которое он употребляет. Он стал пить не только больше, но и чаще, поправляю я себя. Быть может, я и молодая, но я не какая-нибудь наивная дурочка. Стивен переживает из-за того, что его отца номинировали на Национальную

книжную премию¹¹.

Последний скандал из-за его неумеренного употребления алкоголя вышел у нас дня три назад в художественной галерее «У Саши», куда нас пригласили на открытие. Точнее, пригласили Стивена, а он потащил с собой меня в качестве, так сказать, бесплатного приложения. Для начала мне пришлось четверть часа дожидаться его на улице, где я металась из стороны в сторону по тротуару, выглядывая Стивена среди прохожих, словно брошенный щенок – хозяина. Каждый раз, когда я замечала в толпе высокую мужскую фигуру в дорогом верблюжьем пальто, я с облегчением выпрямлялась, но каждый раз это оказывался не он, и мои плечи снова никли от обиды. В конце концов охранник на входе сжалился надо мной и пропустил внутрь, чтобы я могла ждать своего пропавшего кавалера в теплом зале с бесплатным баром. Прошло еще почти полчаса, прежде чем Стивен соизволил появиться. Как ни в чем не бывало он по хозяйски положил мне руку на поясницу и чмокнул в щеку.

– Двойной бурбон, пожалуйста, – сказал он бармену за стойкой.

– Одну минуту, сэр. Со льдом?

– Да, будьте любезны.

Он осушил свой бокал одним глотком – только кадык за-

¹¹ Национальная книжная премия – ежегодная премия, с 1950 г. присуждаемая американскими издателями двум лучшим книгам прошедшего года: одна премия за лучшее произведение художественной литературы, другая – за публицистическое или документальное произведение.

прыгал, пока спиртное стекало по пищеводу в желудок. Поставив опустевший бокал на стойку, Стивен зна́ком велел бармену повторить.

– А где Саша? Ты ее не видела? Нужно подойти поздороваться... – Глядя поверх моей головы, Стивен высматривал виновницу торжества, а я чувствовала себя одной из скульптур, которые были расставлены по всей галерее.

– Ты опоздал!

– Да, немного задержался. Извини... – небрежно откликнулся он, по-прежнему выглядывая Сашу в битком набитом гостями зале.

– Я беспокоилась. Где ты был? – Я произнесла эти слова тихим, напряженным шепотом, словно в моих расспросах было что-то унижительное.

– Только пожалуйста, Элли, не надо вести себя как...

– Как кто?

– Это тебе не идет, детка.

Прозвучавшая в его голосе холодность и обвиняющий тон заставили меня прекратить дальнейшие вопросы. Раньше он никогда не был жестоким. Равнодушным, отчужденным – да, но не жестоким. Но сейчас... Бежать мне было некуда, и я отступила внутрь себя. Я не стану устраивать сцену, подумала я. Только не здесь. Я совершила ошибку, когда повела себя как стерва. Я не хотела быть стервой, я ненавидела эту роль еще больше, чем он, но... Каким-то образом Стивен мне ее навязал, а потом обвинил в том, что я предъяв-

ляю ему какие-то претензии. Требования. Почему мужчины постоянно так поступают? Так или еще хуже... И почему мы им это позволяем?..

Не найдя ответа на этот вопрос, я уткнулась носом в бокал белого вина, пытаясь отыскать хоть капельку смысла в разноцветных пятнах, которыми пестрели холсты на стенах галереи.

Следующие сорок пять минут напомнили мне хорошо отрепетированную пьесу. Мы переходили от холста к холсту, вели ничего не значащие разговоры со знакомыми, обменивались глубокомысленными замечаниями и через регулярные промежутки времени возвращались к бару, чтобы подзаправиться. Точнее, заправлялся один Стивен, я же тянула и тянула один и тот же бокал, в котором оставалось еще больше половины.

Пока Стивен ждал пятую порцию виски, я случайно обернулась – и так крепко сжала свой бокал, что еще немного, и стекло могло бы лопнуть. Возле одной из скульптур стоял Коннор. Даже со спины я сразу узнала его растрепанные рыжеватые волосы, узнала его манеру потирать мысок ботинка о штанину. Я поняла, что пора смыться. Срочно!

Снова повернувшись к Стивену, я набрала в грудь побольше воздуха.

– Слушай, может, хватит? Мне кажется, ты поступаешь неразумно. – Я кивком показала на бокал, который протягивал ему бармен.

– Что? – отозвался Стивен, дыхнув на меня парами виски.

Глядя поверх плеча Стивена, я видела, что Коннор перешел к другой скульптурной композиции, которая стояла слишком близко к бару. Еще немного, и не миновать взаимных представлений, вопросов, объяснений и прочего.

– Я думаю, мне пора.

– Слушай, сначала ты набросилась на меня из-за того, что я опоздал, а теперь, когда я наконец-то здесь, ты хочешь уйти? – Он нахмурился.

Мне очень не хотелось выглядеть самовлюбленной эгоисткой, но альтернатива была еще хуже. В конце концов, я всегда могу заставить Стивена меня простить.

– Если ты и дальше намерен говорить со мной в таком тоне...

Он только пожал плечами и, отвернувшись, занялся своим бокалом. Разговор был закончен, и я направилась в гардероб, а потом выскользнула на мокрую от дождя улицу, собираясь остановить такси.

На следующее утро я прочла в профильном интернет-издании статью о том, что отец Стивена был номинирован на престижную литературную премию. А спустя несколько часов – уже после дневных занятий – мне на телефон пришло сообщение с предложением мира. О статье я Стивену говорить не стала, но его реакция стала мне понятнее.

Несмотря на то что впоследствии Стивен много извинялся, надеясь заставить меня забыть об этом случае (роскош-

ный обед в дорогом ресторане, огромный букет лилий и калл, и вся ночь, посвященная исключительно мне и моему удовольствию), я ничего не забыла. Я просто не могла забыть, не могла заглушить настойчивый тихий голос, который нашептывал мне в уши, что Стивен не так уж мне предан и что наши отношения в любом случае обречены. Да и Коннор не давал мне ни о чем забыть, задавая все новые и новые вопросы... Кончилось дело тем, что каждый раз, когда мы со Стивеном встречались, я сначала испытывала облегчение оттого, что мы все еще вместе, а потом начинала бояться, что это конкретное свидание может оказаться последним. И то же самое относилось к каждому звонку, к каждой эсэмэске, к каждой проведенной нами вместе минуте, так что перевести дух я смогла только вчера, когда «Лексус» Стивена со мной на борту наконец-то тронулся с места.

Тонко нарезанные ломтики сыра я раскладываю веером на деревянном блюде, пристраиваю в вазе кисти винограда. Чем-то они напоминают мне тех беззаботных, уверенных в себе леди, которые на излете столетия так любили позировать в шезлонгах. Ну вот, все готово... Комната выглядит как безупречная декорация для образцового романтического ужина при свечах, и я киваю сама себе и в последний разправляю на себе платье. Мое отражение, промелькнувшее в темном стекле окна, удовлетворенно улыбается, но за окнами – тьма.

18 декабря

Вот и наступили рождественские каникулы. Сегодняшний день мы проведем вместе, а в следующий раз увидимся только в будущем году.

Но ты вовсе не исчезнешь из моей жизни. На прошлой неделе я сфотографировала нас с тобой на телефон: ты лежишь рядом со мной и дремлешь. Снимок я распечатала на фотопринтере в аптеке, а оригинал стерла, чтобы на него никто случайно не наткнулся.

Сейчас ты на другом конце страны, проводишь праздники с родителями. Я осталась одна, но моя память, словно календарь рождественского поста¹², полна воспоминаний, поэтому мне несколько не скучно. Каждый день я открываю новое окошко, и – хоп! Готово! Ты снова со мной. Сегодня, например, я вспоминала, как ты забрел в комнату, где я копировала учебные материалы. От неожиданности я сделала неловкое движение и смахнула на пол свою сумку. Ее содержимое рассыпалось по всему полу, и ты опустился рядом со мной на корточки, чтобы помочь мне собрать вещи.

¹² Календарь рождественского поста – большая цветная карточка с маленькими пронумерованными окошками: их поочередно открывают в течение рождественского поста. При открытии окошка появляется миниатюрная картинка на библейскую или рождественскую тему.

– Твоя сестра? – спросил ты, показывая на карточку, которую я носила в бумажнике (он открылся, когда вывалился из сумки).

На карточке мы сфотографировались вдвоем на берегу моря. Ветер развеивал наши волосы, и мои светло-рыжие кудряшки перепутались с ее длинными темно-русыми прядями. На нас надеты одинаковые черные толстовки-худи, но на этом сходство заканчивается. Я всегда немного завидовала ее стройному телу, ее округло-соблазнительной груди и по-женски широким бедрам. Что касалось меня, то я тогда состояла из одних только прямых линий и углов. И никаких тебе плавных изгибов.

– Кстати, – сказал ты, прежде чем я успела рассказать тебе о Ви и о том дне на побережье, – ты не против, если на будущей неделе мы встретимся на полчаса пораньше? Ко мне приезжает, гм-м... один мой приятель.

Слово «приятель», а точнее крохотная пауза, которую ты сделал перед тем, как его произнести, заставило меня похолодеть от страха. Эта пауза завладела всеми моими мыслями, повернув их во вполне определенное русло. Приятель... Почему ты запнулся? Почему?

Тревога охватила меня, и я принялась грызть ногти, хотя почти справилась с этой дурной привычкой.

Не потому ли, что твой «приятель» был красивой женщиной?..

Стивен

Элли изрядно удивила его тем, что взяла инициативу на себя. Обычно она оставляла эту роль ему, покорно исполняя любые его желания и уступая прихотям. Но не сегодня... Воспоминания о том, что они вытворяли на ковре перед камином, оставались с ним, даже когда, стоя в душе, он выдавливал на ладонь шампунь. Да, приходится признать: Элли наделена особым, утонченным эротизмом, который буквально сводит его с ума. В постели она удовлетворяет его полностью и в то же время заставляет желать большего. Да и с интеллектом у нее тоже полный порядок. Далеко не каждая женщина способна на высоком профессиональном уровне обсуждать, как особенности стиля Джозефа Конрада отражают этические воззрения автора в романе «Сердце тьмы».

Внимание его переключилось на полку, где на фоне белой плитки стояла среди шампуней и бальзамов миниатюрная зеленая бутылочка. Ее цвет чем-то ему понравился, и Стивен, отвинтив колпачок, поднес бутылочку к носу. Ну да, он так и думал! Небольшой сувенир от хозяев дома.

Он снова завинтил колпачок, но было поздно: душевая кабинка наполнилась резким, насквозь химическим яблочным

запахом.

Стивен прикрыл глаза. От волос С. постоянно пахло зеленым яблоком, но тот запах был тоньше, изысканнее, натуральнее. Когда он ложился с ней в постель, ему очень нравилось медленно ее раздевать, слой за слоем снимая одежду и обнажая податливую белую плоть, в которую так и хотелось вонзить зубы. Он и вонзал... Стивен называл С. своим запретным плодом. Каждый раз, когда он произносил эти слова, С. начинала хихикать, но это означало только то, что она еще не умела принимать комплименты как следует. Его подушки в той крошечной квартирке-студии буквально пропахли яблоками. Их отношения длились всего пару весенних месяцев, и все же благодаря С. его пребывание в Пасадене можно было назвать довольно сносным. Да и он, со своей стороны, оказал С. любезность, предоставив ей надежное убежище на то время, пока ее родители завершали свой скандальный развод.

Стивен открыл глаза. Ладно, довольно воспоминаний. Постаравшись как следует, он мог бы припомнить всех своих любовниц, однако ни одна из них не могла сравниться с Элли.

Даже С.

К тому моменту, когда Стивен выбрался из душевой кабины в ванную комнату, заполненную густым водяным паром, решение было принято. Ничего удивительного – он все-

гда знал, что и как надо делать. И все равно сегодня он ничего предпринимать не будет. Может быть, завтра, в Стоктоне, когда они будут обедать в каком-нибудь живописном провинциальном кафе на самом побережье... На мгновение Стивен представил, каким будет ее лицо, когда он сделает ей предложение, и его губы сами собой растянулись в улыбке. Однако когда он уже заворачивался в большое банное полотенце, его внимание привлек какой-то тихий скребущий звук. Что это может быть и откуда он доносится, Стивен понятия не имел.

– Элли?.. – позвал он на всякий случай, но ответа не было – только с лейки душа сорвалась капля, звонко тенькнув по полу кабинки.

Стивен уже собирался махнуть на странный звук рукой, когда он повторился. На этот раз он шел откуда-то сверху и напоминал топот бегущих маленьких лапок. При мысли о том, что в доме могут водиться мыши или какие-то другие животные, Стивен содрогнулся. Только этого не хватало! Нужно будет непременно написать об этом в отзыве, который они направят хозяевам дома, когда выходные закончатся. Стивен привык видеть мышей и крыс в нью-йоркском метро или на грязных задворках многоквартирных домов, выросших в последние годы на городских окраинах, но это вовсе не означало, что он согласен делить дом с грызунами, которые могут переносить самые ужасные болезни. Собственно, зачем ждать три дня? Почему бы не позвонить хо-

зьявам прямо сейчас? Интересно, у Элли есть их номер?.. Впрочем, Стивен сразу припомнил, что сотовый сигнал исчез, как только началась снежная буря, а обычного телефона он в доме не видел.

Стоя на мягком резиновом коврикe, Стивен не спеша вытирал собственное тело, о котором так внимательно заботился. Он с удовольствием похлопывал себя по накачанным плечам, которые укреплял, плавая по утрам пять раз в неделю, любовно вытирал живот, который оставался рельефным и подтянутым благодаря полному воздержанию от сахара и любых сахаросодержащих продуктов, тщательно расчесывал густые волосы на голове. Древние греки были правы, подумал он сейчас: в здоровом теле – здоровый дух.

Вернувшись в спальню, Стивен некоторое время стоял голышом перед высоким окном, разглядывая искривленные, голые ветви деревьев, которые почти сливались с черным ночным небом. «Мышиную проблему» он давно выбросил из головы, сейчас его занимало другое, а именно – насколько хороша его нынешняя жизнь и какие плоды принес ему неустанный труд. Его очаровательная подружка устроила ему сюрприз, пригласив на романтический уик-энд в снятый ею роскошный дом на берегу Чесапика – не о подобном ли мечтают десятки менее удачливых мужчин? Интересно, кстати, было бы знать, во сколько обошлась ей аренда и как долго Элли откладывала деньги, чтобы купить себе этот кусочек счастья?

Счастья с ним.

Тут Стивену вспомнился разговор с Шумахером, состоявшийся перед самым отъездом на уик-энд.

То, что Шумахер сам явился в преподавательскую, чтобы пригласить его к себе, удивило Стивена. Даже преподаватели начинают беспокоиться, когда их вызывают в кабинет директора. В Ричмондской подготовительной Стивен работал уже довольно давно. Когда-то он считал, что школа будет лишь временной остановкой на пути наверх – она была нужна ему, чтобы заработать на жизнь, набраться ценного опыта и завести полезные связи среди родителей, но вышло так, что он задержался здесь дольше, чем планировал. То же самое произошло когда-то и с Барнард-колледжем, который он выбрал только потому, что оттуда было проще перебраться в Нью-Йорк, поближе к Колумбийскому и Принстонскому университетам. Увы, каждый раз его планам что-то мешало, так что впору было задуматься, случайность ли это или причина в другом? Что, если это отец тайно использовал свои обширные знакомства в академическом мире, чтобы не дать сыну возможности сделать следующий шаг по карьерной лестнице? Насколько Стивен знал, старый козел был вполне способен на такой грязный трюк.

– Не мог бы ты ненадолго заглянуть ко мне после занятий, Стив? Это важно.

Шумахер произнес эти слова ровным, спокойным тоном.

По его лицу невозможно было что-либо прочесть, и все равно приглашение заставило Стивена волноваться. Остаток дня прошел словно в тумане, и в конце концов он оказался перед дверями директорского кабинета.

– Проходи, Стив. Присаживайся.

Стивен мысленно поморщился, услышав уменьшительную форму своего имени, но Шумахер всегда называл его именно так, а он, будучи его подчиненным, вынужден был скрывать свое раздражение за фальшивыми улыбочками и пожимать протянутую руку со всей возможной сердечностью. Так и сейчас – пожав похожие на сосиски пальцы босса, на одном из которых туго сидело давно утратившее всякий блеск золотое обручальное кольцо, Стивен послушно опустился в кресло для посетителей.

– Благодарю. Чем могу быть полезен, Дональд? – И он незаметно вытер правую ладонь о брюки.

– Не хочешь мне ничего рассказать?

Стивен насторожился, но ничего не сказал, ожидая, что директор первым раскроет карты. Неужели Шумахер действительно думает, что он купится на подобный блеф?

– Прошу прощения, я не совсем понимаю... – проговорил наконец Стивен.

Шумахер поднялся со своего кресла и, обогнув стол, подошел к Стивену. Глубоко вздохнув, директор – большой демократ – присел на угол столешницы, причем Стивену показалось, что дерево жалобно скрипнуло. Разглядывать вблизи

лопнувшие сосуды на директорском носу ему было неприятно – он всегда презирал людей, которые не следят за собой. Чуть ниже груди у Шумахера выпирала внушительная «трудовая мозоль», туго натягивавшая ткань рубашки.

– До меня дошли кое-какие слухи...

Стивен напрягся еще больше. Он ненавидел слово «слухи». Как правило, этот эвфемизм означал, что кто-то любит совать нос не в свое дело. Неопределенно пожав плечами, Стивен попытался припомнить какое-нибудь неосторожное слово или жест, которые могли запустить машину слухов, но не преуспел. Ему казалось, он действовал идеально.

Директор наклонился ниже, и Стивен заметил у него на лбу мелкие капельки пота. Сам он, впрочем, тоже вспотел и сейчас с отвращением чувствовал, как промокла рубашка под мышками. К счастью, в официальных ситуациях он предпочитал официальный стиль и, направляясь в кабинет Шумахера, надел блейзер и подтянул узел галстука. Помимо всего прочего, Стивену нравилось демонстрировать директору, как должен выглядеть по-настоящему элегантно одетый мужчина, но сейчас, если честно, ему было не до того. Выходило, что он где-то прокололся, но где?..

– Слухи? Какие же?

Проследив за взглядом директора, Стивен увидел, что тот смотрит на его пальцы, которые выстукивали по подлокотникам быструю дробь. Мгновенно справившись с собой, он положил руки на колени ладонями вниз.

– Должен сказать откровенно, Стив, я очень расстроен...

Чуть пошевелившись в кресле, Стивен соединил руки и сплел пальцы. Меньше всего ему хотелось играть по правилам, которые пытался навязать Шумахер. Нельзя ни в чем признаваться, пока это что-то не будет названо прямым текстом. Ночные покерные баталии в Принстоне научили его никогда не раскрывать свои карты.

Директор не выдержал первым.

– Мне сказали, что тобой интересуется Колумбийский университет... – (При этих словах Стивен едва не вздохнул с облегчением.) – И мне очень жаль, что ты не счел возможным поделиться этим со мной. Если это правда... Как я понимаю, времени преподавать в нашем скромном заведении у тебя больше не будет. Больше того, я даже не представляю, что могло бы помешать тебе от нас уйти... если, конечно, ты не нацелился на мое кресло, дружище! – Шумахер рассмеялся и хлопнул Стивена по плечу.

– Прошу прощения, Дональд, но даже если бы мне предложили подобный вариант, я был бы вынужден отказаться. Так что за свое место можешь не бояться. – Стивен тоже рассмеялся, правда довольно искусственно.

– В общем, прими мои поздравления, Стив, – сказал директор.

Прежде чем пожать протянутую руку директора, Стивен снова вытер о брюки потную ладонь.

Улыбнувшись этому воспоминанию, Стивен застегнул пуговицу на воротничке рубашки. Что ж, пожалуй, все идет как нельзя лучше. У него отличная работа и безупречная репутация, к тому же внизу его дожидается красивая женщина. Те, кто утверждает, будто нельзя получить все сразу, просто не умеют работать.

Не умеют добиваться своего.

И, бросив на себя в зеркало последний критический взгляд, Стивен вышел из спальни и стал спускаться по лестнице.

1 февраля

Я видела тебя с ней. Вы шли куда-то вместе, и она обнимала тебя за пояс, прижималась к тебе всем телом, а ты... ты улыбался. Она же вцепилась в тебя как в последнюю надежду, и глаза у нее были как у нищенки, которая нашла на панели стодолларовую купюру. Жадные глаза. Мне следовало бы уйти, но я не смогла. Этот мужчина... это был не ты! Ты ненавидел представления на публику, и я была уверена – скоро ты пошлешь эту дуру подальше и вернешь себе свободу. Вот почему я едва не лишилась чувств, когда увидела, как твои губы прижались к ее. Твои поцелуи – это особый язык, на котором я хорошо умею говорить, поэтому я сразу все поняла... В твоём движении были голод, нужда, желание. Ты хотел ее, и поцелуя тебе было мало. Ты желал большего. Желал заполучить ее всю.

Это открытие ударило меня словно груженный кирпичом самосвал. У меня внутри все перевернулось, желудок взбунтовался, горло перехватило внезапной судорогой. Отвернувшись, я перегнулась почти пополам. Меня бы, наверное, стошнило, но внутри было пусто.

А она продолжала счастливо улыбаться, и моя боль превратилась в ненависть. Когда вы сошли с тротуара, я пожелала ей попасть под автобус. Пусть он переломает ей все ко-

сточки, пусть размажет по грязному асфальту... Или нет, пусть лучше вас обоих ударит молния. Мне хотелось, чтобы вас поразила тяжелая, мучительная болезнь, чтобы вы на своей шкуре узнали, как я чувствую себя сейчас.

Ты открыл перед ней дверцу машины. Она плюхнулась на переднее пассажирское сиденье – на то место, рядом с тобой, которое всегда принадлежало мне! Ты уже хотел захлопнуть дверцу, но вдруг замешкался. Твои пальцы стиснули ручку так крепко, что побелели суставы. Сквозь пелену нахлынувших на глаза слез я увидела, что ты глядишь в мою сторону...

...И *не* улыбаешься.

Стивен

В гостиной Элли заканчивала накрывать стол к ужину, нанося последние штришки.

– Ух ты!.. – весело сказал Стивен, входя.

Один конец длинного стола был накрыт на двоих, на каждой горизонтальной поверхности мерцали толстые декоративные свечи, в камине пылали толстые кедровые поленья. Несмотря на современную отделку, отблески пламени придавали комнате какой-то средневековый, готический вид. Наслаждаясь этой атмосферой уюта и тепла, Стивен любовно поправил манжеты рубашки.

– Выглядишь прекрасно, Стивен.

Кроме голубой оксфордской рубашки, на нем были джинсы и тонкий темно-синий джемпер с V-образным вырезом – единственная уступка неформальному стилю, которую он себе позволил. Элли была одета в тонкое черное платье (его подарок), которое облегалo ее гибкое тело настолько плотно, что было сразу видно: никакого белья под платьем нет, что, в свою очередь, выглядело очень соблазнительно и многообещающе. Что ж, ничего удивительного тут не было: Стивен отлично знал, что Элли больше всего идет, и платье было еще

одним доказательством его проницательности. Когда он преподнес ей этот подарок, она пыталась возражать, но Стивену удалось довольно быстро сломить ее сопротивление, приведя совершенно неотразимые доводы. Истина же состояла в том, что ему нравилось покупать Элли вещи, которые она не могла себе позволить.

– Благодарю, – церемонно сказал он и погладил ее по щеке. – Совсем холодная... Замерзла?

– Я ненадолго выходила наружу, – ответила Элли, и он нахмурился.

– Это еще зачем?

– Мне что-то послышалось.

Не сказав ни слова, Стивен вышел в прихожую. Тяжелый засов входной двери с лязгом вошел в гнездо.

– Вот так. – Он повернулся к Элли. – Теперь к нам никто не залезет – эта штука выглядит довольно крепкой. – Стивен вернулся в гостиную, она – следом. – Не знаю, как насчет пожарной безопасности, – проговорил он, еще раз окидывая взглядом комнату, – но выглядит очень и очень мило.

– Значит, тебе нравится? – Она играла с серебряным сердечком, висевшим на цепочке у нее на груди, но почему-то не улыбалась.

– Очень. – Взяв ее лицо в ладони, он прижался губами к ее губам, и улыбка снова затронула ее глаза. Стивен внезапно прислушался. Музыка... Несколько секунд он прислушивался, потом сообразил – из колонок доносилась рахма-

ниновская прелюдия До-диез минор. Стивен уже давно хотел отвести Элли в Центральный парк, чтобы послушать выступление филармонического оркестра. Они сидели бы на одеяле, постеленном прямо на траву, уплетали бутерброды с сыром, запивали вином и слушали нежные скрипки Седьмой симфонии Бетховена или внимали струнным и духовым, исполняющим «Ночь на Лысой горе» Мусоргского. Сейчас Стивен поймал себя на мысли, что ждет не дождется, когда же, наконец, настанет лето.

– И пахнет вкусно, – добавил он, потянув носом. – Это то, что я думаю?..

Элли снова улыбнулась и кивнула.

– Мне казалось, ты не очень любишь фаршированные баклажаны...

– Зато ты их любишь. Будь добр, открой вино.

Возясь со штопором, Стивен обратил внимание на незnamоую этикетку.

– Разве мы покупали такое вино?

– Нет, я нашла его в кладовке.

Стивен перестал вкручивать штопор в пробку и вопросительно приподнял бровь.

– Бонус от хозяев, – пояснила она.

Они сидели в мягком свете свечей, на виду у целой толпы глядящих в окна деревьев (впрочем, почти скрытых темнотой и непогодой) и ели фаршированные баклажаны с зеленым салатом и сыром, и запивали каберне-совиньон 2007 го-

да. Потом Стивен убрал со стола и отнес грязную посуду в посудомоечную машину – ему казалось, что уж это-то он может сделать, после того как Элли выполнила львиную часть работы – ведь это она приготовила для них ужин (или обед). Кроме того, сама идея загородного уик-энда тоже принадлежала ей.

Элли ела очень мало. Она положила себе на тарелку крошечную порцию, да и ту почти не тронула. Можно было подумать, она явилась на дегустацию в гастрономический ресторан и предложенное шефом блюдо ей совершенно не понравилось. Так бывало довольно часто, когда они обедали или ужинали вместе, но сегодня Стивен не был намерен с этим мириться. Прежде чем Элли успела что-то сказать, он положил ей на тарелку целый баклажан. Она, разумеется, пыталась возражать, но в конце концов ей пришлось съесть все – капризы Стивен не выносил.

Когда он вернулся в гостиную, Элли смешивала напитки. Стивен уже собирался ее поблагодарить, но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, его ноздри вдруг уловили странно знакомый запах ванили (не кулинарной, а более изысканной, парфюмерной), к которому примешивался тончайший цветочный аромат... Что это, розы? Гардении? Нет, что-то столь же тонкое, но более теплое. Что-то вроде жасмина... Запах будил воспоминания – что-то мелькало на периферии памяти, но что это было, ему никак не удавалось понять. Сосредоточившись, Стивен попытался связать аро-

мат с именем, с чертами лица, но не преуспел. Да, он был почти уверен, что этот запах он ощущал когда-то в прошлом, но тогда он не отдавал себе в этом отчета, и поэтому ваниль и жасмин не связались в его представлении ни с каким конкретным человеком. Кроме того, тогда, давно, этот запах не был достаточно сильным – это был скорее намек, тень запаха, но сейчас он как будто требовал: вспомни! вспомни!

– Стивен! Стивен? Что с тобой? – встревоженный голос Элли вернул его к действительности.

– А?.. Что?..

– С тобой все хорошо? У тебя было такое лицо...

– Да нет, ничего. Просто задумался. Кстати, ты чувствуешь – чем это пахнет?

– Пахнет? – Она потянула носом воздух. – Я ничего особенного не чувствую. Может, это вино?..

– А вани... Ладно, не важно. Не обращай внимания.

Он и сам старался игнорировать странный запах, но он не отпускал, смущал, тревожил. Стивен был почти уверен, что это не обычный ароматизатор воздуха, а что-то совсем другое, что-то важное... Хорошо бы все-таки припомнить, в чем дело, но... не сейчас... Сейчас для этого не самое удобное время.

– У тебя такой вид, будто ты увидел призрака.

– На мой взгляд, ты совсем не похожа на призрака. Ведь у призраков не бывает такого великолепного тела! – отозвался Стивен, без всякого смущения окидывая ее взглядом.

– Тебе нужно выпить. – Она с улыбкой протянула ему бокал. Стивен понюхал и поморщился. Элли покачала головой.

– Хозяйский графинчик для виски оказался пуст, но зато у них есть джин.

– Нет виски?

– Увы.

Шагнув вперед, Стивен поднял бокал повыше и погладил ее свободной рукой по бедру. Почувствовав под платьем гладкую кожу (никакого белья, как он и думал), он улыбнулся. Кажется, впереди его ожидала сказочная ночь, полная новых, неисследованных возможностей.

– За что выпьем? – храбро сказала Элли.

– За наш уик-энд. За то, что мы оказались здесь, в этом доме, только вдвоем, и поблизости нет никого, кто мог бы нам помешать.

Их бокалы со звоном столкнулись в воздухе, и каждый сделал по большому глотку джина. Потом Элли посмотрела на него, и в глазах ее мелькнул огонек, которого он никогда прежде не видел.

– И пусть эта ночь станет незабываемой для нас обоих, – сказала Элли.

И снова звон стекла прозвучал как короткий взрыв смеха, джин потоком хлынул в горло. У него был горьковатый вкус, и Стивен поморщился.

– Что-то не так? – удивилась Элли.

– Это какой-то дешевый сорт. – Стивен допил все, что

оставалось в бокале, словно ища подтверждения собственным словам. Впрочем, крепкий алкоголь никогда его не пугал. А сейчас он вообще ничего не боялся.

Наклонившись вперед, он поцеловал Элли в губы. Они были солеными на вкус, и это пробудило в нем тот особого рода голод, который с каждым поцелуем становится только сильнее. И Стивен целовал ее снова и снова, целовал с жаром, какого сам от себя не ожидал, и остановился, только когда обнаружил, что прижал Элли к столу.

– Не торопись...

Но он заглушил эти слова очередным поцелуем. Опустевший бокал упал на пол, и Стивен опустил обе руки ей на бедра. Гладкое обнаженное тело под тонким шелком продолжало возбуждать и дразнить. В какой-то момент он с удивлением заметил, что дышит слишком часто и неглубоко, но его это не остановило. Их языки продолжали свой гибкий танец, но на этот раз Элли явно проигрывала. Стремясь закрепить успех, Стивен одним движением развернул ее спиной к себе и наклонил над столом. В него словно вселилось что-то, поднявшееся из самых глубин его существа, что-то, что обычно было скрыто за фасадом благовоспитанности и здравого смысла, что-то, что разбудили в нем уединение и бушующая за окнами стихия.

– Стивен! Что ты?..

За стеклами темнел лес. Казалось, темные силуэты деревьев подступили вплотную к дому и, качаясь под ветром,

что-то нашептывают, советуют, дразнят. Он должен взять то, что ему причитается, подумал Стивен. Но деревья вдруг качнулись и выросли почти до неба, одновременно утрачивая четкость очертаний. Головокружение охватило его, пол закачался под ногами, но Стивен лишь энергично тряхнул головой, отгоняя странный недуг, и только уперся обеими руками в столешницу для устойчивости. Перед ним было наклоненное вперед тело Элли, аппетитная попка вздымалась двумя округлыми холмиками. Это была территория, которую ему предстояло завоевать, и, позабыв о хороших манерах, он рывком поднял подол ее платья.

Она что-то сказала, но он уже не уловил смысла этих звуков. Сильная тошнота подкатила к горлу. Стивен еще пытался бороться, но земля снова ушла у него из-под ног, он потерял равновесие и стал проваливаться головой вниз куда-то в снежную пустоту.

Стивен

– Стивен! Что ты... делаешь?! – воскликнула Элли, пытаюсь судорожными движениями одернуть подол. Глаза у нее были испуганными и растерянными, они казались больше, чем обычно, и были сейчас скорее синими, чем зелеными.

– Даже не знаю, что на меня нашло, – отозвался он, вытирая покрытый испариной лоб. Сзади из-под его джемпера торчал хвостик выбившейся из брюк рубашки. – Я оступился... поскользнулся... Может, давление скакнуло? Дай мне минутку...

Схватив со стола бокал Элли, в котором еще оставался джин, Стивен сделал большой глоток, но это не помогло – сердце продолжало стучать часто-часто, словно он только что пробежал на предельной скорости миль пять. Еще никогда с ним не случалось ничего подобного, еще никогда он не терял над собой контроль... до такой степени не терял. И все же ощущение безграничной власти, которое он пережил за секунды до этого своего приступа... это было великолепно! Незабываемо! В течение нескольких секунд Стивен чувствовал, что ему все можно, все позволено, и никто не смеет ему мешать. К сожалению, эти секунды пролетели, прошли, но

Стивен был уверен, что через пару минут он полностью придет в себя, и тогда... Его тело продолжало активно вырабатывать адреналин, тестостерон, феромоны и бог знает что еще, и он начал мысленно прикидывать, как довести начатое до конца, как сделать еще одну попытку, которая даст ему то, к чему он стремился. Вот сейчас он сделает глубокий вдох, и...

Огоньки свечей расплылись, брызнули в разные стороны радужными иглами света, превратились в сверкающие золотые монеты, вплавленные в полумрак гостиной. Стены снова дрогнули и поплыли, но Стивен свирепо потрянул головой, и через мгновение все встало на свои места. Даже свечи утратили неестественно-яркое, режущее глаз сияние и спокойно мерцали на прежних местах.

– Стивен, ты правда в порядке?

В ответ он прогудел что-то неразборчивое. Пальцы его ощупывали мокрую от пота шею.

– Говорят, смешивать вредно, – чуть насмешливо произнесла Элли.

– Что ты имеешь в виду? – Слова словно наждаком процарапали пересохшее горло, и Стивен сделал еще глоток джина.

– Нельзя смешивать вино и крепкий алкоголь, – пояснила она. – Обычно этим грешат студенты, и... и потом мучаются жутким похмельем. Я знаю, видела таких сто раз.

Стивен презрительно фыркнул. Его смех эхом отдался от

черепного свода, породив волну резкой боли. В глазах ломило.

— Но я-то не студент. — Он потер виски. — Наверное, я просто не привык к джину... Надеюсь, это не простуда. Заболеть сейчас было бы очень некстати.

Но на самом деле он думал не о простуде, а о чем-то более серьезном. Например, об инсульте. Если у него оторвался тромб, это может оказаться очень опасно, а они здесь совершенно одни, телефоны не работают, и вызвать помощь будет невозможно. А по такой погоде они никуда не доберутся даже на машине. Да, плохо дело...

— Я тоже надеюсь.

Ваниль и жасмин. Он снова почувствовал этот запах.

— Чувствуешь? Чем это здесь пахнет? — спросил Стивен. Элли что-то ответила, но он не слушал. Откуда он знает этот запах? Лицо, которое ассоциировалось с ним в его памяти, все так же тонуло в тумане прошлого, и ему никак не удалось пробиться сквозь этот туман. Еще один глоток джина помог ему избавиться от навязчивой мысли, и Стивен повернулся к камину. Пламя, плясавшее по поленьям, было ярким, слишком ярким. Золотой свет, окруженный оранжевым гало, странно пульсировал, словно гипнотизируя, и вдруг взорвался ослепительной, почти белой вспышкой, когда верхнее, еще не прогоревшее до конца полено вдруг обрушилось вниз. Рой ярких искр устремился в черный от сажи дымоход.

Стивен невольно попятился и, крепко зажмурив глаза, несколько раз ущипнул себя за переносицу. Наконец он открыл глаза и убедился, что и комната, и Элли не кружатся и не двоятся. Все было как всегда.

– Ты действительно плохо выглядишь. – В голосе Элли прозвучали тревожные нотки. – Как ты себя чувствуешь? Стивен?! Почему ты не отвечаешь?!

На мгновение ему показалось, что океан каким-то образом пробрался сквозь твердую землю под фундамент, и дом закачался. Пол гостиной превратился в палубу утлого суденышка, которое швыряют бурные волны. Ощущение качки усилилось, когда он бросил взгляд на плещущиеся в бокале остатки джина. Сделав глубокий вдох, Стивен задержал дыхание, дожидаясь, пока ощущение исчезнет. Во рту снова стало сухо, и он допил все, что оставалось в бокале.

Прошло несколько секунд, и ему показалось, что он вернулся в норму. Ну, почти вернулся... Поглядев на пустой бокал в своей руке, Стивен покачал головой.

– Какой крепкий джин! Неужели это мы его купили?

Слова выбирались наружу невероятно медленно, язык не слушался, челюсти отяжелели, будто свинцовые, и двигались лишь с большим трудом. Непонятное оцепенение быстро распространялось, охватывая конечности и мозг. Стивен затряс головой, но не смог избавиться от набирающего силу паралича.

– Нет. Я нашла бутылку на тележке с напитками. – Го-

лос Элли доносился словно откуда-то издалека. – Может, тебе лучше прилечь? Ты действительно скверно выглядишь! Смотри, ты стал совсем зеленый!

С трудом подняв голову, Стивен увидел перед собой сразу двух Элли, которые смотрели на него в упор. И они не просто двоились – одну было видно сквозь другую, словно Элли стояла здесь со своим призраком.

Покачнувшись, Стивен хрипло рассмеялся, но собственный смех вдруг показался ему странным и чужим. Гостиная снова накренилась, и он подумал, что дом решил сыграть с ним какую-то глупую шутку. Колени его подогнулись, Стивен почувствовал, что падает, и, в панике взмахнув руками, сумел ухватиться за спинку дивана. Окружающее раскачивалось, ускользало, таяло.

– Стивен?..

На этот раз в голосе Элли отчетливо прозвучал страх... страх и что-то еще, какая-то другая сильная, но неопределимая эмоция. Да и слова казались искаженными, словно они доносились откуда-то с другого берега океана. Просунув пальцы под воротничок рубашки, Стивен рванул его изо всех сил, стремясь вдохнуть побольше живительного кислорода, но воздух вокруг стал невероятно густым, насыщенным теплой влажной тяжестью, которая бетонной плитой легла на грудь, заполнила легкие. Дышать таким воздухом было невероятно трудно, каждый вдох отнимал у Стивена все силы. Пол под ногами продолжал ходить ходуном, ноги

ослабли, бокал выпал из пальцев и разбился, отозвавшись в голове звоном десятков серебряных колокольчиков.

– Эл-ли...

Подхватив его под локоть и придерживала сзади за поясницу, она помогла ему сесть на диван. И вовремя! В комнате потемнело, со всех сторон подползал клубящийся мрак, пока в сознании не осталось ничего, кроме крошечного пятнышка света и невнятного бормотания Элли над самым ухом. Станный ванильно-жасминовый запах, наоборот, усилился, он окружал его со всех сторон, лез в рот и в нос, и вскоре Стивен уже не признавал ничего, кроме этого аромата – настойчивого и мягкого, словно ласкающая волосы на затылке рука.

День второй

*Мне в четырех углах угрюмых
Нигде не скрыться.
Они пугающе бесшумны,
Таят убийцу.*

Эмили Дикинсон, «Не нужно комнат привиденью»¹³

20

Стивен

Плечи и лопатки свело болезненной судорогой, и Стивен, прижав подбородок к груди, качнул головой сначала в одну, затем в другую сторону, чтобы немного расслабить мышцы. Судорога действительно немного отпустила, и он попытался позвать на помощь, но во рту было сухо, а язык словно прилип к гортани. Медленно, с трудом Стивен провел им по зубам, но даже после этого не смог выговорить ни слова. Веки весили по полтонны каждое. Все же он попытался открыть глаза, и каким-то чудом ему это удалось. Темнота

¹³ Перевод Е. Зерновой.

сменилась ослепляющим белым светом, который понемногу тускнел, возвращаясь к норме, и вскоре Стивен начал различать пока еще размытые очертания привычных предметов: диван, угол стола, мазки желтого и красного света, пляшущие в темной раме. Не сразу до него дошло, что он глядит в черное жерло камина.

Гостиная. Он – в гостиной.

Комната показалась ему больше и темнее, чем раньше. Еще Стивен обнаружил, что сидит напротив огромного телевизора. (Телевизора? Никакого телевизора в гостиной он не помнил.) Телевизор работал, но изображения на экране не было, был только грязно-белый «снег» статики. Толстенские декоративные свечи, расставленные на всех поверхностях, были погашены, за исключением двух или трех. Отражения их подрагивающих огоньков и помогли ему понять, что большой серый экран перед ним вовсе не телевизор, а окно – высокое окно, за которым продолжает бушевать буран. Бесчисленные снежинки яростно атаковали стекло и, расплющившись о него, обломав свои лучики-кристаллы, сползали вниз к раме. Снаружи не доносилось ни звука, но по одной лишь силе, с которой снежные хлопья бомбардировали стекло, можно было догадаться, что ураганный ветер воет и ревет, но не может пробиться сквозь толстые тройные стеклопакеты. По-зимнему темное небо затянули мрачные серые тучи, и понять, день сейчас или поздний вечер, было невозможно.

Сколько же он провалялся в отключке?

И что с ним вообще случилось?

Мысленно Стивен попытался вернуться назад, к тому моменту, когда он впервые почувствовал недомогание, и осознал, что из памяти полностью выпало несколько часов. Там, где должны были быть воспоминания, зияла пустота. Сколько он все-таки провалялся без сознания? Сколько прошло времени?

Порывшись в памяти, Стивен обнаружил кое-какие обрывки, ниточки, потянув за которые он сумел восстановить отдельные образы, запахи и слова. Он складывал их и так, и эдак, пытаясь сплести из них связный нарратив, чтобы заполнить потерянные отрезки жизни. Они собирались провести вместе выходные. Выходные за городом. Они сели в машину и поехали. Он помнил девушку, которая дремала рядом с ним на пассажирском сиденье, помнил, как целовал ее в лесу, помнил жар ее губ и ледяной холод вокруг. Когда это было? Вчера? Сегодня?.. Было ли вообще?..

Элли... Ее имя сверкнуло в мозгу словно молния. Стивен вскинул голову, но в комнате никого не было. Почему ее нет? Где она?..

Голова была тяжелой, словно с похмелья. Он снова покачал ею из стороны в сторону, потом уронил обратно на грудь; ни дать ни взять – студент, клюющий носом на скучной лекции. Его разум по-прежнему балансировал на границе сознания, за которой начинался полет. Или падение в глубо-

кий и темный колодец. Он падал, проваливался в глубины собственного тела. Вот во мраке промелькнуло ее испуганное лицо. Элли?.. Мысль о том, что она напугана, что она нуждается в нем, что она – одинокая и растерянная – сама только что очнулась в одной из комнат этого огромного дома, послужила ему достаточным стимулом, чтобы усилием воли отогнать сонливость, справиться со слабостью и снова поднять голову, чтобы больше не опускать.

Стивен открыл рот, чтобы позвать ее еще раз, но слова застряли во рту словно мухи, намертво прилипшие к клейкой ленте его языка. Ему пришлось несколько раз откашляться, прочищая горло, прежде чем он сумел произнести ее имя вслух.

– Элли... – Его голос был тихим, как самый тихий шепот, и вдобавок хриплым, незнакомым. – Элли?.. – повторил Стивен пересохшими губами. Под языком скопилось несколько капель слюны, Стивен проглотил их и сделал глубокий вдох.

– Элли?!

Откуда-то из глубины дома послышался шум, словно упал на пол и покатился какой-то предмет.

– Элли, это ты?.. – Каждое слово обжигало горло словно раскаленный газ.

«Она наверху, – подумал Стивен. – Наверху, точно». Теперь он был уверен, что слышит на втором этаже шаги и даже, кажется, голоса, вот только слов не разобрать, да и голоса ли это? Ведь в доме, кроме них двоих, больше никого нет!

Или... есть?

В камине затрещал и стрельнул сучок. Волны сухого тепла окатывали его тело, и воспоминания, опережая произнесенные шепотом слова, стремительным потоком пронеслись в его голове. В один миг информации оказалось так много, что Стивен не мог ее обработать, не мог разобраться, что было и чего не было. Он хватался то за одно, то за другое, гнался за ускользающими образами и в конце концов оставался ни с чем, если не считать головокружения и подкатывавшей к горлу тошноты. Да-а, такого странного похмелья с ним еще никогда...

Элли.

Он зацепился за это имя, использовал его как якорь, чтобы противостоять захлестывавшим его потокам обрывочных сведений. После нескольких глубоких вдохов в голове немного прояснилось, и Стивен вспомнил пророческие слова Элли, от которых он тогда отмахнулся со смехом. Сейчас ее голос снова зазвучал у него в ушах – голос, сопровождавшийся яркими и достаточно последовательными образами. Вот кухня, вот непроницаемая мгла за окнами и силуэт Элли, которая стоит к нему спиной, пристально вглядываясь в темное стекло.

«Мне кажется, я что-то видела...»

Еще одна вспышка памяти, и Стивен перенесся в заснеженный лес. Вот он целует Элли, целует и целует без конца, пока треск сломанной ветки не заставляет их разомкнуть

объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.